Бенаквиста Тонино

Все для эго

Алану и Бертрану

Черный ящик

Яркая вспышка ослепительно белого света. Я почувствовал, как в темноте меня с бешеной скоростью несет наверх. Я испугался, что меня ударит о незримые границы космоса. Волна горячего воздуха вернула меня на землю и осторожно уложила посреди страны ужаса. Там, неподвижный, не в состоянии подняться на ноги, просто открыть глаза, я мог только слышать: рычание голодных псов и волков, пронзительный смех гиен-убийц, рев зверья над моими останками. Прошли века, прежде чем тишина и забытье обвили меня коконом.

Пока милосердный бог вернул мне зрение.

И жизнь.

* * *

Когда я очнулся, девушка вздохнула с облегчением. Сначала я подумал, что она монашка. Оказалось – просто медсестра.

Голова не болела, не было какого-то особенного чувства страха. Наверное, меня накачали морфином или чем-нибудь в этом роде. Медсестра рассказывает мне об аварии, и передо мной возникают фары той машины. Удар до сих пор отзывается болью в позвоночнике. И потом – пустота. Спрашиваю ее, сколько времени я провел в этой *пустоте.* Одну ночь? Всего одну ночь? У меня ощущение, что я пересек вечность в обратном направлении, а все это длилось всего двенадцать часов. Каких пределов достигают люди, лежащие в коме всю зиму?

Мой отец попросил, чтобы его позвали, когда я проснусь. Я не хочу, чтобы он тащился сюда, я не собираюсь долго валяться в этой больнице, в забытом богом уголке Пиренеев. Доктор должен прийти, чтобы успокоить меня. Через несколько дней я стану наконец тем, кем был всегда. Через несколько лет эта авария останется в моей памяти всего лишь расплывчатой черной дырой, за которой последовало краткое и бесконечное пребывание на больничной койке, окруженной, насколько хватало взгляда, заснеженными полями.

Та машина, БМВ. Водителю уже никто не мог помочь. Я твердо уверен, что не допустил никакой ошибки. Медсестра косвенным образом это подтвердила: никто здесь никогда не видел, чтобы машина сворачивала на дорогу на Гуль на такой скорости.

– Вы знаете, кто это был?

– Страховой агент из Лиможа. Вскрытие покажет, был ли он пьян, но это и так ясно.

Внезапно я почувствовал себя гораздо лучше. Какой-то алкоголик едва не угробил меня, и я благодарил небо, что его смерть не на моей совести. Старуха с косой перепутала все мои мысли. Мне надо сконцентрировать энергию для новой жизни, не каждый день воскресаешь из мертвых. Говорят, что те, кто встречался со смертью лицом к лицу, живут потом весело и безмятежно. Если это действительно так, может, оно того и стоило.

Медсестра ведет себя несколько странно: крутится возле кровати и украдкой, хихикая, поглядывает на меня. Словно я кинозвезда. Но ведь я не потерял память после аварии, я прекрасно помню, что меня зовут Лоран Обье, мне тридцать пять лет, я чиню ксероксы, я холост, и главная цель моей жизни – получить первый приз на конкурсе Лепина. Женщина в белом подтверждает эти сведения с улыбкой человека, которому известно все. Можно подумать, она знает мельчайшие подробности моей жизни. Я несколько раздраженно говорю ей об этом.

– Я, возможно, знаю о вас больше, чем вы сами, – бросает она, выходя из комнаты.

По телефону я, как мог, успокоил всех, кто тревожился обо мне, друзей и близких. Я и не думал, что их так много. Большинство из них обращались ко мне, только когда им надо было что-нибудь бесплатно отксерить. Медсестра принесла мне ужин. Как они могут говорить о «больнице с человеческим лицом», если пичкают едой, от которой отказалась Международная Амнистия? Позже вечером я позвонил, чтобы медсестра унесла переполненную мочой «утку», с которой я не знал, что делать. Как все прикованные к постели, я ненавижу эти интимные отношения с женщиной, которую я едва знаю. Даже моя мать, пока была жива, не видела ничего подобного, и мои случайные парижские подружки никогда не слышали, даже как я чихаю.

– Не смотрите телевизор слишком поздно, а то мне придется прийти его выключить.

– Вы слишком серьезно играете свою роль, мадам… мадам…

– Жанин.

– Благодарю вас за все, что вы для меня сделали, мадам Жанин, но телевизор усыпит меня гораздо быстрее, чем ваши таблетки. К тому же у меня ощущение, что я выспался на десять лет вперед.

Она поворчала немного, я улыбнулся в ответ. Внезапно я осознал, что она порхает вокруг меня с самого утра, без сна и отдыха.

– Я сидела с вами всю предыдущую ночь, пока вы были в коме. У нас маленькая больница, господин Обье, одна моя коллега больна, другая в отпуске. Если бы прошлой ночью вы болтали поменьше…

Я не успел спросить, что она имела в виду, как она уже исчезла за дверью, бросив на меня хитрый взгляд. Сколько себя помню, мне никто не говорил, что я разговариваю во сне, – ни в пансионе, ни в моей холостяцкой берлоге, куда я иногда приводил страдающих бессонницей красавиц. В течение этих ужасных часов у меня в голове, должно быть,

хороводом кружились кошмары. Наверняка за коматозными наблюдают, чтобы они не натворили чего-нибудь. Вообще-то обычно я помню свои сны – это мешанина из метафизических страхов, фильмов ужасов и бунюэлевских символов. Жанин небось достались самые сливки. Если только прошлой ночью я без конца не возвращался к аварии со зловещим скрипом в момент удара. Надо забыть все это как можно скорее. Телепрограмма, которую я только что для себя составил, должна мне в этом помочь: картина Джерри Льюиса, документальный фильм о варанах Комодо и на десерт – повтор последнего фестиваля в Байрёйте. Если я все точно рассчитал, «Сумерки богов» закончатся как раз в тот момент, когда Жанин принесет мне завтрак. Жизнь слишком коротка и слишком ценна, чтобы спать.

– Вы опять курили в палате.

– Когда меня выпишут, черт возьми?

– Сегодня вечером, я вам уже тысячу раз говорила. Но если вы будете так скакать по палате, вот возьмем да и оставим вас еще на несколько дней.

Это Жанин, свежая и отдохнувшая. Похоже, она даже слегка подкрасилась, меня бы это не удивило. Валяясь здесь, я повидал Мариэль, Бернадетт, Сильви и мадам Беранже, одна другой любезнее, но ни одна из них не изгонит Жанин из моего сердца.

– А ваш муж, какой он?

– Вы слишком назойливы, господин Обье.

– Да ладно вам…

– Я не замужем.

– Но у вас наверняка есть возлюбленный? Ее щечки слегка порозовели.

– Он гораздо спокойнее вас.

– Скажите, Жанин, – я понижаю голос, – говорят, что у медсестер под халатом ничего нет.

Она пожимает плечами, взбивая подушку, перед тем как сунуть ее опять мне под голову.

– Что за фантазии! Впрочем, что касается фантазий, у вас их предостаточно.

– Вы-то откуда знаете?

– Представьте только, что сказала бы Бетти, если бы услышала ваши идиотские замечания.

– …Какая Бетти?

– Меня весь день не будет, но я приду с вами попрощаться перед отъездом.

– Перестаньте надо мной издеваться! О какой Бетти вы говорите?!

– На этот раз вы получили по заслугам, господин Обье. Всего хорошего…

– Жанин, вернитесь сейчас же! Вот сволочь!

И целый день ее нигде не было видно. Выздоравливающий пациент, то есть я, весь день безуспешно искал ее по всей больнице. Бетти… Я говорил о Бетти, когда лежал в коме? Но я не знаю никакой Бетти.

Хотя нет.

Но это было так давно.

Школьная парта, чернильницы в каждом углу, учительница только что наполнила их из бутылки. Маленький люк открывается в дальнем углу памяти. Я нацарапал пером по дереву *«Бети».* Она посмеялась надо мной, я добавил еще одно «т» вплотную к первому. Теперь вспомнил…

Белые зубы… Невероятно прозрачные глаза… Шуршание ткани, когда наши локти соприкасались. Нас дразнили женихом и невестой. Я помню, как с самого утра в школьном

коридоре мы искали друг друга глазами. «Как зовут твою невесту?» – «Бетти!» На вопрос о женихе она ответила: «Лоран».

Не знаю, был ли я по-настоящему влюблен с тех пор.

Стемнело. Я положил бритву в карман чемодана. Я провел весь день, вспоминая упоительные мгновения прошлого. Проходя через холл больницы, я все еще думал об улыбке маленькой девочки.

Я готов был снова встретиться с миром, даже несмотря на то что он прекрасно обходился без меня все эти десять дней. Бернадетт и Сильви стояли за стойкой регистратуры. Я пообещал им прислать открытки из Парижа. Жанин появилась уже без халата, в обычной одежде, широко улыбаясь. Она потащила меня к огромным красным креслам зала ожидания, где никто никого не ждал.

– Ваше такси скоро будет.

– Надеюсь, оно немного задержится. Я еще не успел поблагодарить вас за все, что вы для меня сделали.

– Это моя работа.

– Благодаря вам я вспомнил свою первую любовь. Она была где-то в глубинах памяти и без вас никогда бы не всплыла на поверхность. Вам я обязан этими пузырьками ностальгии.

Она хихикнула, но тут же взяла себя в руки. Глаза стали серьезными. Она колебалась, молчала, не решаясь заговорить. Я тоже перестал улыбаться.

– Вы помните, что я наблюдала за вами, пока вы были в коме, господин Обье?

– Вы сказали мне об этом на следующий день.

– У вас была легкая форма комы, когда пациент говорит и двигается. Он твердит непонятные фразы, произносит кучу слов, быстро-быстро в течение нескольких часов. Бред, который никто не может понять, и в большинстве случаев сам пациент понимает не больше половины. Десять часов… Представляете? Словесный поток в течение десяти часов без малейшего перерыва?

– ?..

– Это прекрасный шанс, господин Обье, его нельзя было упускать. Прямая трансляция из черного ящика.

– Черного ящика?

– Подсознания, если хотите.

Перед моими округлившимися от ужаса глазами предстала Жанин, которой я не знал, – страстная, возбужденная, наполовину жрица, наполовину ведьма.

– В ту ночь вы рассказывали про себя, вы дошли до самых глубин своего подсознания, вы разворошили тридцать пять лет морали, запретов и воспоминаний. Вы сдули с них пыль, разгладили, расшифровали и сложили в порядке, известном только вам одному. Бетти – только капля в океане, она появилась из черного ящика, как и все остальное.

Страх пронзил мое тело. Горячая волна прокатилась по спине. Зеленая лампочка такси появилась за стеклом.

– Жанин… Вы хотите сказать… что вы вторглись в глубины моего подсознания?

Она сжала мои руки.

– Лоран, я занимаюсь психоанализом вот уже четырнадцать лет. И за эти четырнадцать лет мне не удалось услышать и половины того, что вы выложили за одну ночь.

Она протянула мне блокнот. Я подумал, что сейчас сойду с ума.

– Дежурство было спокойным, а я привыкла все записывать…

Блокнот у меня в руках. В голове – туман. Такси нетерпеливо сигналит.

– Вы издеваетесь надо мной?..

– Вам это пригодится, я бы хотела, чтобы в подобных обстоятельствах кто-нибудь сделал для меня то же самое. Здесь все ваши тайны и все, что вы забыли, все, кого вы любили и ненавидели, все ваши мольбы, оставшиеся без ответа, все ваши страхи и фантазии. Используйте это с толком.

Я хочу удержать ее за руку, но она выскальзывает и скрывается в раздевалке. Такси уже собирается уезжать.

Я тупо стою, не в силах принять решение.

Открыть блокнот я решился только в самолете. Стюардесса принесла мне щедрую порцию алкоголя, и сосед счел своим долгом объяснить, что боязнь полетов в большинстве случаев скрывает что-то другое, например, страх перед отъездом или страх перед тем, как сделать первый шаг. Еще один, пожелавший сунуть свой нос в мою жизнь. Страницы, нацарапанные Жанин, гораздо страшнее, чем все фобии вместе взятые. Я мог бы разорвать их на мелкие кусочки и спустить в унитаз, никто бы об этом не узнал, и я жил бы так, как будто ничего не произошло. Моя жизнь банальна, и я люблю ее такой, какая она есть, я не хочу знать ее секреты. Зачем посягать на запретную зону? Там легко заблудиться, это все знают, достаточно посмотреть фильмы про джунгли. Зачем слушать орган своей души? *Вам это пригодится…* Пригодится, моя бедная Жанин. Кто же хочет знать, что происходит по ту сторону? Кто же не боится поднять крышку люка своей души? Там, должно быть, не слишком приятно пахнет. *Используйте это с толком…* А если от этого я потеряю больше, чем приобрету?

Но большой вопрос: как устоять перед искушением?

Мой сосед задремал, прислонившись к иллюминатору.

Я переворачиваю коричневую обложку блокнота.

…Надо бы вернуться к отцу Тапедюру, наверняка там можно найти его чековую книжку и… (смех)… Десять лет пьет только «Швепс», это сразу ведь видно, а, Натали?.. Все было еще белее под облачением, белее не бывает, такое белое, что аж глазам больно, огромный белый конус, этот чертов Паскаль меня заставил… Колокола и все такое… Паскаль совсем ничего в фильме не понял… «моя сестра слишком любит деньги, моя сестра слишком любит деньги», ты, Дюкон, только это и талдычишь… Ты не пошел смотреть под огромным белым конусом…

– …Хотите, я провожу вас до туалета?

Стюардесса положила руку мне на плечо. Из вороха рекламных проспектов в спинке кресла она вытащила белый бумажный пакет, на случай, если меня стошнит. Но она бы предпочла, чтобы я дошел до туалета. Неужели я выгляжу так же плохо, как чувствую себя? Она протягивает мне таблетку, стакан воды, я все это покорно проглатываю. Натянуто улыбаюсь, чтобы она наконец оставила меня в покое. Жанин – редкая сволочь. Она не должна была делать этого. Той ночью она должна была закрыть дверь, уважая мой бред, позволить ему затеряться в огромном бессознательном мире вселенной. Я закрываю глаза, глубоко вздыхаю и пытаюсь понять, что же это за «огромный белый конус». Он должен где-то быть, так далеко, так близко, утерянный в дороге, забытый много лет назад, но все такой же белый. Что пряталось под этим «огромным белым конусом»? Он уже здесь, совсем близко. Совсем близко…

– Вы уронили свою тетрадку.

– …А?

Я благодарю своего дурака-соседа кивком головы и поднимаю упавший блокнот. «Огромный белый конус» не мог быть где-то далеко. Ну что ж, тем хуже, я подумаю об этом, когда останусь один. У меня еще сорок восемь страниц, исписанных убористым почерком.

Иногда с бесконечными повторами. Я даже не знаю, читать ли мне все подряд или раскрывать страницы наугад. Я закуриваю – знаю, что это давно запрещено в самолетах, но ничего не могу с собой поделать.

…Я рыдал, и все это видели, черт возьми, я не хочу, чтобы меня называли Ролан, меня зовут Лоран, не Ро-лан, Ло-ран, Лорензаччо. Чтоб они все сгорели! Не важно, что он высокий и худой, худой, ну и хрен с ним, но высокий, и я наложил в штаны, ведь ему закон не писан… Ты всю жизнь обожал всех с говном смешивать, было бы только кого… Мою гордость клеймили каленым железом, выжигая инициалы О.Л… Огюст Лепинас… Спрашиваешь, что мы делали с этим Огюстом Лепинасом… Раз пошла такая пьянка… Меня зовут Лоран, Ло-ран, понял?..

Высокий парень в очках. Армия. Монбельяр. Унижение на глазах у всей казармы. Я зашел слишком далеко. Я придумывал ему идиотские – никто даже не смеялся – прозвища, за что и получил по морде. Вся история вдруг всплыла в памяти, даже следы слез на щеках и металлический блеск в правом углу его рта. В наказание он называл меня Ролан до самого дембеля. Каждую ночь, как последний трус, я хотел убить его во сне.

Я не забыл того случая, но никогда не думал, что он оставил такой след в моей памяти. С тех пор я никому не хотел причинять боль, и может быть, благодаря Огюсту Лепинасу. Страх, что я испытывал, держа в руках эти пылающие листочки, превратился во что-то более сильное и возбуждающее. А что, если Жанин права? Что, если она подарила мне ключ к *Познанию,* самому ценному из всех, познанию самого себя? Возможно, сейчас у меня на коленях лежит, словно ящичек Пандоры, настоящее сокровище. Оно может мне дать ответы на главные вопросы, о которых задумываешься, как говорят, только на смертном одре. Этот блокнот сообщит мне, кто я и откуда пришел. Может, мне повезет, и он скажет, куда я иду. Задолго до моего часа. В середине пути.

Стюардесса попросила меня потушить сигарету. Как только она ушла, я закурил новую. Плевал я на их запреты, теперь я выше этого. Мы летим над Парижем. Мой сосед уже сжимает в руках портфель. У меня еще есть немного времени, чтобы изучить свою душу.

*** * ***

…Безнадежный!.. Безнадежный!.. Как она могла это сказать, старая мерзкая карга… Папа, поверь мне! Не верь ей, я не безнадежный… Не играй в машинки на лестнице!.. Я не хочу остаться на второй год, она врет, а вы ей верите!.. Осторожно!.. Огромная мраморная лестница в доме крестного… Итальянский мрамор… Безнадежный! Какое омерзительное слово… Будто дерьмом начиненное… Раз так, я вам покажу, где раки зимуют… (прищелкивание языком)… Безнадежный воспарит ласточкой!.. Мрамор такой красивый, но холодный….

Я не заметил, как оказался в такси. Не помню, ни как прошла посадка, ни как я нашел свой чемодан. Я все еще в воздухе. Почти в невесомости. До сегодняшнего дня все, что я помнил о том падении, – это повязка для поддержания шеи, из-за которой я казался маленьким старичком. Мне было шесть лет. Лестница, которая чуть не стоила мне жизни. Что это за старая карга? И какая связь между ней и моим падением? Гора писем под дверью моей квартиры. Не раздеваясь, я бросился к телефону.

– Папа?

– Ты вернулся, сынок? Что же ты не предупредил, я бы приехал в аэропорт тебя встретить.

– Ты помнишь, как я упал с лестницы у крестного?

– …Такое не забывается. Мы с твоей матерью боялись, что ты расшибся насмерть.

– А что происходило в том году в школе?

– ?..

– Мне нужно знать. А ты всегда следил за моей учебой.

– …Ты какой-то странный… Почему ты об этом спрашиваешь… Мне кажется, ты был в подготовительном классе, несчастье произошло в мае, и ты вернулся в школу только в сентябре.

– Я остался на второй год?

– Нет, но твоя учительница – старая перечница, с которой ты никогда не ладил – очень этого хотела. Но после того как ты упал с лестницы, пока ты выздоравливал, мы наняли тебе частного учителя. И когда ты вернулся в школу, ты даже сильно опережал своих одноклассников.

– Как я мог упасть с той лестницы?

– Я не знаю, мы все сидели за столом, потом вдруг услышали шум, выбежали и нашли тебя уже внизу, без сознания. Твой крестный очень переживал.

Я рассыпался в благодарностях и положил трубку. Все встало на свои места. Эта старая карга меня ненавидела, а остаться на второй год было смерти подобно.

Считается, что даже мысль о самоубийстве не может прийти ребенку в голову. На меня обрушилась беда, которая толкнула меня к смерти. Мне было всего шесть лет.

Прошло три недели, а я все еще не вышел на работу. Я провожу все светлое время суток в своей квартире или в городских парках. Никому не может даже прийти в голову, что мой внешне безразличный вид скрывает интенсивный мыслительный процесс, не прекращающийся ни на мгновение. Ураган в моей голове настолько силен, что сметает на своем пути забытые обещания и вечные табу. Я склоняюсь над блокнотом с видом человека, изучающего карту Эльдорадо, я ныряю в свое подсознание, как подводник, и поднимаюсь на поверхность с чудовищным трудом. Слишком многое из написанного на этих сорока восьми страничках пока ускользает от моего понимания, и самые закрытые зоны, естественно, те, что вызывают наибольшее любопытство.

Когда я вырасту, я буду косить спагетти, это самая прекрасная профессия в мире… Когда я вырасту, я буду косить спагетти, это самая прекрасная профессия в мире… До марта A.C. Group купит «Финойл»… Когда я вырасту, я буду косить спагетти, это самая прекрасная профессия в мире:…

Косить спагетти. Ценой неимоверных усилий перед моим мысленным взором встает этот идиот Паскаль из начальных классов, он объясняет мне, что макароны растут в поле, и их косят, как рожь и пшеницу. С тех пор я мечтал косить спагетти. Зато совершенно не понятно, откуда взялся этот «Финойл», название ничего мне не говорит. Мой приятель Жереми, профессиональный игрок на бирже, объяснил, что такая маленькая компания, как A.C. Group, никак не может купить самый большой нефтяной концерн в Европе. Хуже всего то, что я понятия не имею, как эти два слова попали в мой мозг и намертво засели там. Может, у нас в подкорке хранятся миллиарды ничего не значащих деталей, с каждым годом их куча растет? Наверное, если поскрести эту загадочную фразу, за ней что-то да откроется, но я не знаю, с какой стороны к ней подступиться. Некоторые фразы пугают меня еще больше, особенно когда они утверждают обратное тому, в чем я всю жизнь был уверен.

…Скотина, друзей не предают!.. Рири, Фифи и Лулу… Спроси у Иуды! Сколько мы с тобой партий в бильярд сыграли, и что же, черт возьми? Мой бедный Рири… Неужели моя Софи тебе так нравилась? Надо было мне сказать, бедный дурень… Столько партий в бильярд, и что теперь?..

Фифи – это Филипп, Рири – Ришар, а Лулу – это я. Триумвират. С самого лицея мы были не разлей вода. Я первый завел девушку, и остальные приняли ее в компанию без особых

проблем. Особенно Филипп. Говорят, что женщины настолько внимательны к деталям, что могут скрывать своего любовника в течение многих лет или вычислить соперницу по волосу. В моем случае все было наоборот. Вернувшись домой после недельной командировки в Тулузу, я обнаружил в пепельнице на прикроватном столике кольцо от сигары «Ромео и Джульетта» – я подарил такие Филиппу. Коробка с двадцатью пятью сигарами стоила целое состояние, но в день рождения друга не стоит мелочиться. Я не простил ни Софи, ни тому подлецу. Это было десять лет назад.

Проблема в том, что черный ящик не согласен с этой версией…

И я не понимаю, почему он должен быть осведомлен лучше, чем я. Это написано здесь, черным по белому, дрожащей рукой Жанин. *Мой бедный Рири… Неужели моя Софи тебе так нравилась?* Может, в конце концов она ошиблась. Рири или Фифи, легко перепутать, если они произнесены очень быстро. Рири, мой давний друг, верный Ришар. Я не понимаю инсинуаций своего подсознания по поводу истории, которая и так стоила мне очень дорого.

Но мне самому следует в этом разобраться.

* * *

Официант принес две чашки кофе, и я зажигаю первую за весь ужин сигарету. Ришар, не прерывая своей блестящей речи о среднем классе, достает сигару из коробки. Вопреки ожиданиям, я резко прерываю его.

– Это Филипп приучил тебя к сигарам? Он молчит и удивленно смотрит на меня.

– Мы так давно его не вспоминали… Я думал, что ты не хочешь больше слышать его имени?

– Время идет… Десять? Двенадцать лет? Знаешь, все забывается. Мне удалось забыть Софи, а тогда казалось, что это невозможно.

– Есть вещи, которые не прощают.

– Я не говорю о прощении, каждый сам договаривается со своей совестью. Забыть – это жизненная необходимость, как пить или есть. Уничтожать воспоминания, затопляющие нашу память, – это гарантия душевного здоровья. Борхес чудно написал об этом. Только представь себе, что было бы, если бы мы ничего не забывали. Представь, если бы в нас было такое вместилище, где хранилось бы все, плохое и хорошее, но особенно плохое.

– Вроде черного ящика, как в самолете.

– Именно.

Ришар, застыв, смотрит на меня. Он смущен. Потом он медленно зажигает сигару – ритуал, который я знаю уже много лет.

– После этой аварии ты сильно изменился. Мы раньше никогда не говорили о таких вещах.

Я несколько секунд молчу, словно чтобы еще больше подчеркнуть странность нашего разговора.

– Если такой ящик существует, нельзя ни в коем случае его открывать, – говорит он. – Мы – продукты своих ошибок и сомнений. К чему нам знать о множестве мелочей?

– Это уникальная возможность понять, как ты стал тем, кто ты есть.

Официант кладет счет на угол стола и обрывает таким образом нашу дуэль, которая могла бы длиться часами.

– Возвращаясь к твоему вопросу. Не Филипп приучил меня к сигарам, а ты.

– …Я?

– Помнишь «Ромео и Джульетту», которые ты ему подарил? Он не решился тебе сказать, но его тошнило от одного запаха сигар. Я попробовал, и для меня это стало откровением. Я выкурил всю коробку, и с тех пор это обходится мне от шести до семи тысяч в месяц.

Несколько секунд мы молчали, потом я хихикнул. Это был совершенно невинный смешок – ни горький, ни мстительный. Близкое знакомство с черным ящиком с недавних пор изменило мои отношения с миром и другими людьми. Впрочем, как я мог подумать, что он ошибся? То, что мы слишком наивно называем «разумом», заставляет нас принимать объяснения, которые нас больше всего устраивают. Подсознание безжалостно выдает истину. Десять лет назад я уже *знал,* что Ришар спал с Софи. Так что я сам себя обманывал. И на все эти годы я отгородился от невиновного и остался в дружеских отношениях с предателем.

Столики освобождались один за другим. Ришар дал хорошие чаевые – несомненно, для того чтобы официант подольше оставил нас в покое. Никто из нас не произнес ни слова в течение долгих минут, и в то же время это был самый длинный наш с ним разговор. Должно быть, его черный ящик зарегистрировал кучу информации на большой скорости. Эти маленькие механизмы очень эффективны.

Как бы ни были насыщены эти мгновения, слова были явно излишни. Они понадобились только для того, чтобы подвести итог.

– Не пойму только, почему этот болван Филипп ничего мне не сказал в тот вечер, когда я обзывал его последними словами.

Бесхитростная улыбка появилась на губах Ришара. Видимо, ностальгическая.

– Корнелевский выбор для бедняги Филиппа. Обелить себя – значит предать меня. Он предпочел, чтобы ты обвинил его.

– Дружба, доведенная до идиотизма, а, Ришар?

– …Кто знает?

Он поднимается, с сигарой в зубах, надевает пальто. На пороге ресторана мы долго жмем друг другу руки.

– В следующий раз я приглашаю.

– Заметано.

Мы часто спрашиваем себя, что было бы, если бы нам посчастливилось узнать свое будущее. Теперь я уверен, что прочесть свое прошлое – гораздо интереснее. Боязнь завтрашнего дня – детские забавы по сравнению со страхом перед тем, что было. И судьба – не что иное, как немного запоздавшее прошлое.

Прошло два месяца, а я так и не вышел на работу. Я рассказывал врачу всякие небылицы: головокружения, дикие головные боли, беспокойный сон, постоянная усталость, все это последствия аварии. Так я выиграл еще несколько недель, и моему шефу нечего было возразить. Член жюри конкурса Лепина позвонил мне, чтобы сообщить, что у меня есть все шансы получить первый приз. Я сделал вид, что польщен. Если бы они только знали, насколько я стал зависим от сильного наркотика. Наркоман, вот кто я есть. Пристрастившийся к своему подсознанию, пленник собственного я. Подсевший на откровения о том странном человеке, который и есть я. И мне надо еще и еще, как любому наркоману. Я уже выучил практически наизусть эти сорок восемь листков. Случается, я декламирую из них целые куски, как тогда в Пиренеях в коматозном состоянии под неусыпным оком Жанин. Жертва мерзкого союза моего «я» с моим «сверх-я». Некоторые тайны раскрываются сами собой, но другие не поддаются, какие-то фразы так пока и остаются непроницаемыми, и от этого я прихожу в бешенство. Мне удалось вычленить около тридцати загадок безжалостного сфинкса. Некоторые из них могут заставить меня зарычать.

…Мой бедный Вернье, будем играть до победного, но я уже практически выиграл…

…Для них двоих это был «Завтрак на траве» и «Андалузский пес».

…Представляю себе Бертрана, упитанного и величественного, со стеклянным пузырем на животе! Ну актер!..

…Надо раздуть эту штуку раз в шесть, и тогда все получится…

И другие необъяснимые бредни. Я не знаю ни имен, ни ситуаций, ничего, и из этого рождается навязчивое чувство утраты, желание понять. Неожиданно звонок телефона возвращает меня на землю. Проклиная того, кто прервал мое свидание с самим собой, я беру трубку.

– Откуда ты знал?

– Жереми?

– Откуда ты знал, мать твою?

– Что?

– Что A.C. Group купит «Финойл», черт подери?

– ?..

– Это катастрофа! Взрыв! Кто тебе дал наводку?

– Не знаю.

– Ты что, издеваешься надо мной? Если бы я хоть на секунду поверил, что такое возможно, я был бы сейчас миллиардером.

– Да не знаю я никакого «Финойла». Он что, такой громадный?

– Громадный? Да это больше, чем холдинг, это как фондовая биржа сама по себе. С щупальцами в каждом секторе – сельском хозяйстве, информатике, филиалы, в общем, чего *только* нет. «Комеко» и «Сопареп», это тоже их, и Национальная промышленная группа тоже, и…

Национальная промышленная группа! Я бываю там раз в две недели, присматриваю за восьмьюдесятью ксероксами. Наверняка там-то я и распечатал маленькую деталь, без своего ведома, совсем маленькую деталь, мимо которой прошел мой разум, но которую черный ящик старательно сохранил. Жереми не верит мне, когда я объясняю, что больше ничего не знаю. Зачем рассказывать ему историю с блокнотом, психоанализом Жанин и огромным белым конусом. Он решит, что я спятил. Наверное, так оно и есть. Я попросил своего коллегу Пьеро посмотреть по спискам вызовов, когда я последний раз был в офисе Национальной промышленной группы. В прошлом июле я чинил шесть копировальных аппаратов, один из которых был директорским. Я сразу вспомнил секретаршу – кокетливую брюнетку, которая плакалась, что ксерокс и кофеварка вырубились одновременно. Я открыл машину и увидел, что поломка самая что ни на есть обычная, и исправил все за десять минут. Каждый раз вытаскивая документ, застрявший в ксероксе, я мельком смотрю на него, прежде чем отправить его в корзину для бумаг. Видимо, именно так я и узнал о покупке «Финойла». Обычная фраза, которая выветрилась бы у меня из головы, если бы черный ящик ее не зафиксировал.

Но это всего лишь скромная победа над собственной памятью, а тысячи тяжких поражений подтачивали меня понемногу каждый день. Остатки разума призывали бросить все, но другая, подводная, часть все равно появляется снова и снова. Я хочу знать, что это за «Андалузский пес» и кто этот Вернье, имя которого упоминается семь раз на сорока восьми страницах. Я хочу знать, что это за «штука» и как ее раздуть. И все остальное, вся эта дребедень – абсурдная, но наполненная смыслом.

Я хочу все знать.

Все.

С некоторых пор я записываю свои сны, шесть или семь за ночь. Для наркоманов времени не существует. Увы, мой утренний урожай частенько похож на дежа-вю. Если сны –

это проявление подсознания, они наполнены таким количеством незначительных, повседневных деталей, что, собранные вместе, производят впечатление полной бессмыслицы. Однако мне необходимо найти верное и прямое средство снова войти в контакт со своим черным ящиком.

Я перечитал «Двери восприятия» Олдоса Хаксли. Этот человек интересовался черным ящиком, совсем как я. Он доходит до того, что начинает проповедовать использование «подручных средств», чтобы открыть эти замечательные двери.

Так как я не привык употреблять их, пришлось попросить Пьеро (он время от времени закрывается в туалете нашего ателье, чтобы выкурить косячок) достать мне все, что сейчас в ходу, чтобы пробурить туннель к самым потаенным уголкам моего «я». Итог операции оказался плачевным. После разных косяков я на несколько часов растянулся на диване в гостиной с омерзительным ощущением, что на каждом колене у меня по тридцать пять тонн. Полоски кокса («чистого на восемьдесят процентов», если верить Пьеро) вызвали у меня неудержимый хозяйственный пыл, я пылесосил и драил серебро в четыре часа утра, одновременно обдумывая теорию, которая опровергла бы разом Ньютона и Коперника. Опиум не дал совершенно никакого эффекта, если бы я перечитал детские комиксы – и то было бы больше толку. В завершение опытов я проглотил ЛСД, который в течение пятнадцати часов заставлял меня выделывать неизвестно что, а именно: воевать с римскими легионерами или точно определить количество молекул водорода в моей ванне. Я не обижаюсь на Пьеро, я не в обиде на Хаксли, я знаю, что преследую белого кита, появившегося из пустоты моей души.

*** * ***

– Господин Обье, проходите, пожалуйста.

Я думал, что в кабинете гипнотизера обнаружу весь тот хлам, что продается на ярмарках, но не увидел ничего, кроме огромного кресла, куда мне и предложили сесть. На вопрос «Чем я могу быть вам полезен?» я не знал, что ответить. Я мог только выдать ему длинный список имен и фраз без начала и конца и попросить его, чтобы он перебрал их все, в тайной надежде, что хоть на что-то я среагирую. Слегка ошарашенный списком вопросов, он рационально объяснил мне научную основу своей работы, но я ничего не хотел слышать.

– Можно, конечно, попытаться, но то, что вы просите, невозможно. Вы не пробовали сходить к психоаналитику? Я могу вам порекомендовать специалистов в этой области.

– Психоанализ? Вы наверняка не поверите, если я скажу вам, что знаю все о своем отце, своей матери и своем либидо. И все это не шуточки. Я хочу знать, кто такой Вернье и другие. Вы полагаете, у меня впереди двадцать лет, чтобы вернуть их всех из небытия?

Следующие четверть часа были на редкость приятными и спокойными. Я дремал в огромном кресле. Я плавал в невесомости, и мне было хорошо.

– Сожалею, господин Обье, вы человек вполне восприимчивый, но то, что вы называете черным ящиком, отказывается открываться. Если когда-нибудь вам это удастся, сообщите мне, пожалуйста.

Он провожал меня до двери, и я машинально вынул из кармана пачку «Житана». Когда я подносил сигарету к губам, со мной произошло нечто странное, что-то похожее на легкий приступ тошноты.

– Минуточку, господин Обье. Когда вы только открыли рот, я сразу же подумал о пепельнице, полной окурков. И пока вы были под гипнозом, я затронул кое-какие точки в вашем черном ящике. Так что ваш приход был небесполезен.

В поисках себя я стал другим. Кем-то вроде полицейского для души или – еще хуже – частного детектива, который никогда не доведет свое расследование до конца. Мои воспоминания всего лишь химеры, а мое будущее – кошмар. Иногда я просыпаюсь в холодном поту, перед глазами стоит ужасная картина: мой черный ящик бьют молотком и он ломается. Он истекает кровью, скукоживается, но из него ничего не появляется. Моя бедная Жанин, я этого не заслужил. В конечном счете я был всего лишь несчастным специалистом по ремонту ксероксов. Я говорю «был», потому что работу я потерял. Даже Пьеро надоели мои бесконечные идиотские вопросы (я когда-нибудь говорил тебе об *«Андалузском псе»?* Ты знаешь *Бертрана?* У него еще *стеклянный пузырек на животе?).* Отец смотрит на меня, как на психа. Хуже того, как на иностранца, говорящего на непонятном языке (я не говорил в детстве «Ичи Мичи Бо»?). Наверняка я подохну, так и не узнав, кто такой *Вернье.* Жаль. Я уже успел полюбить его. Я создал для него специальную ячеечку в своей голове. Может, это какая-нибудь важная птица, кто знает?

Утром я получил письмо от жюри конкурса Лепина, сообщавшего мне, что я занял первое место. Приз мне вручат завтра, на открытии Парижской ярмарки. Если бы они только знали, до какой степени мне на это наплевать. Единственным по-настоящему стоящим изобретением стали бы «крокодильчики» – провода, соединяющие мой черный ящик с пятнадцатидюймовым монитором. Когда-нибудь, возможно, мне удастся создать что-нибудь подобное. У меня вся жизнь впереди.

Я пошел туда, как идут к дантисту, еле волоча ноги, не надеясь хорошо провести время. Сутолока, зеваки, стенды, речи – этой минуты я ждал месяцами, но сегодня это был просто шум без ярости и расплывчатые декорации. Я далеко отсюда. У меня в голове огромный белый конус.

– Первый приз присуждается Лорану Обье за копировальный аппарат «Полароид»!

Аплодисменты. От этого чада славословий мне не по себе. Еще хуже от шума вокруг. Пьеро заслужил этот приз, так же как и я, мы с ним вместе соорудили этот аппарат в свободное от работы время. Пока мы ксерили свои части тела, как это делают все служащие в мире, мне пришла в голову мысль соединить машину с моментальным фотоаппаратом. Обыкновенная игрушка, которую мне удалось усовершенствовать – я улучшил качество снимков и сделал так, чтобы их можно было воспроизводить бесконечно. Работать с игрушкой легко, и от технического чертежа она продела путь в оргтехнику, пройдя через маркетинг и даже современное искусство. Пьеро подвигнул меня представить эту штуку на конкурс. Но весь этот цирк мне порядком надоел. Мне вручают премию, хлопают меня по плечу и призывают публику к тишине.

– Поощрительный приз присуждается покойному Алану Вернье, погибшему несколько месяцев назад в автокатастрофе. Аплодисменты.

…Алан как?..

– Алан Вернье, – продолжает конферансье, – был постоянным участником нашего конкурса. В течение многих лет он предлагал свои изобретения, которые стали частью нашей повседневной жизни. Однако никогда он не получал первого приза. Предлагаю почтить его память!

Ватные ноги не держат меня, я присаживаюсь на край ограды. Публика рассыпается по аллеям. Я хватаю за руку ведущего церемонии награждения.

– Где произошла авария?

– В Пиренеях, в октябре того года. Никто не знает, что он там делал, Вернье был страховым агентом и редко выезжал из своего Лиможа.

Никто не знает, кроме меня. Я знаю, что он там делал.

В тот вечер на дороге на Гуль я был жертвой.

Мы знали, что вдвоем остались финалистами. Мне было на это наплевать, но он думал только о конкурсе.

Вернье спал и видел этот первый приз. После стольких лет, чего бы это ни стоило.

Если бы в тот вечер ему удалось столкнуть меня в канаву, все бы поверили в несчастный случай. И даже я сам, если бы Жанин не вручила мне черный ящик.

В конце концов, его и открывают-то только в экстренном случае.

Птичник

Я жил в Будапеште, когда мой дядя призвал меня к своему одру. Я догадывался, что он хочет умереть у меня на руках. Увидев, как он привстал с подушек и протянул ко мне руки, я понял, что приехал не напрасно. Медсестра оставила нас одних в самый тяжелый миг, но такая уж у нее работа. Так странно чувствовать, что у тебя есть семья. И хотя я сидел здесь на голубых простынях, мысли мои были далеко, где-то между Будой и Пештом, между моей квартиркой и классной комнатой. И все-таки я всегда любил этого старикана, потому-то я здесь. Он сжимает мою руку в своих клешнях, а мне хочется оказаться где-нибудь подальше отсюда.

Он всегда говорил со мной как со взрослым, а для ребенка нет большего удовольствия. Я даже помню, как, заболев, никого не подпускал к себе. Кроме него. Я орал от боли, я жаловался, насколько все несправедливо, и что этот дрянной мир не заслуживает того, чтобы в нем жить. Он ответил, что в один прекрасный день я окажусь в другом, он будет лучше, и это заслуживает того, чтобы прожить всю жизнь.

– Знаешь, я боюсь, – сказал старик.

– Конечно, знаю, в этом нет ничего нового.

– Помнишь, как я поймал скорпиона за виноградником, очертил вокруг него круг и поджег?

– Будто это было вчера.

– Только сейчас я пожалел, что сделал это. И тут я увидел нас двоих на корточках, мы разглядывали обезумевшее насекомое, пытающееся спастись от огня. Оно никогда не промахивается – задрав жало, скорпион убил себя. Это было красиво, это было ужасно, у меня в голове зародилось множество неразрешимых вопросов. Внезапно дядя задержал дыхание и выдохнул:

– Похорони меня около того птичника.

И его щека коснулась подушки, легко, как падают снежинки.

Повтори-ка, дядюшка? Ты что, умер? Так я должен тебя понимать? Мы видели смерть, когда гуляли с тобой по полям. Мы видели, как умирали мухи, когда наступали холода, слишком любопытные кошки, нелюбимые деревья. И сейчас с тобой приключилось именно это, а, старик? Ты загадывал загадку: «Нотариус и священник идут к твоему соседу, что там происходит?» Сосед умирает.

Сегодня твоя очередь, и нет ни нотариуса, ни священника, у тебя никогда ничего не было, и ты никогда не верил в Бога. Нет никого, кроме меня.

Я не знаю, где ты теперь, да и не очень-то хочу узнать. Мне хочется сказать тебе, что когда-нибудь мы встретимся, но я сам верю в это лишь наполовину. Ты не обидишься, если я поручу профессионалам похоронить тебя? На кого я буду похож, шагая один-одинешенек за гробом, и не с кем даже словом перемолвиться, чтобы поделиться своим горем? Мне всегда казалось обидным организовывать церемонию, где единственный заинтересованный человек присутствовать не может. Я знаю, что теперь вечерами, когда я разочаровался во всем человечестве, я буду представлять, как ты лежишь где-то и размышляешь о всех тех секретах, которыми мы с тобой не успели поделиться.

Лежишь где-то.

Где-то, но где именно?..

Я на сто процентов уверен, что он сказал: «Похорони меня у того птичника». Не просто птичника, а ТОГО птичника. Что это за птичник такой, черт подери? И он не сказал: «Я бы хотел…» или «Не мог бы ты…», нет, он сказал: «ПОХОРОНИ меня у ТОГО птичника». Конечно, можно похоронить и у птичника, но, дорогой дядя, ты мог бы облегчить мне задачу! Вернулась медсестра, произнесла положенные в таких случаях слова соболезнования, объяснила мне все про жизнь и смерть, а я тупо кивал, пока в моей голове кружились тысячи птичников.

– Скажите, пожалуйста, нет ли тут поблизости голубятни или чего-то в этом духе, недалеко от кладбища?

Медсестра, привычная к неожиданным реакциям при виде смерти, странно посмотрела на меня. Я настаивал:

– Вы никогда не слышали о «кладбище рядом с птичником»?

– Спросите у людей из похоронной конторы, у них всегда наготове ответы на самые деликатные вопросы.

До того, как она это сказала, я считал, что, приехав сюда, уже выполнил свой долг. Теперь же, сам не знаю почему, я решил, что недостаточно просто подержать умирающего за руку, чтобы обеспечить ему вечный покой. Я мог бы сесть на самолет до Будапешта завтра утром, но мои ученики могут подождать еще денек – я надеюсь, этого времени мне хватит, чтобы прояснить всю эту странную историю с птичником, просто чтобы избежать уже зарождающихся угрызений совести. «Похорони меня у того птичника»… Черт! Он мог бы сказать мне что-нибудь простое, банальное, вроде «Не забывай, малыш, только романтизм – абсолютная величина!». Ну почему человек, любивший стрелять по любым мишеням, у которых были перья, хотел быть похороненным рядом с птичником?..

– На выходе с городского кладбища… На кладбище «Пер-Лашез» есть колумбарий, но только для тех, кто хотел, чтобы их кремировали.

– Он ясно сказал, что хочет, чтобы его похоронили.

– Вам виднее. Но через три дня нам придется что-то делать.

– Три дня?

– Обычно такие вещи решают задолго до рокового часа. Через три дня мы будем вынуждены поступить как обычно.

Три дня. Это все, включая перелет, что я смог выторговать у директора лицея, где я преподавал. Три дня, чтобы найти птичник, рядом с которым похоронить дядю. Считается, что последнее желание умирающего свято. Я попытался сосчитать, сколько часов старик посвятил мне, всегда терпеливый и внимательный к хулигану, которым я был, и довольно быстро перевалил за семьдесят два. Был понедельник, утро, и если к четвергу я не найду этот треклятый птичник, дядя будет вечность ворочаться в своей могиле, не зная ни сна, ни отдыха.

На следующий день я направился в центр города, в небольшой домик, где он прожил всю жизнь. За сорок лет ничего не изменилось, я увидел счастье своих четвергов – кондитерскую, где мы с ним обжирались пирожными, киношку, куда он водил меня на фильмы для взрослых, кафе, где я смотрел, как он играет в бильярд. Его соседка по площадке, старая дева, все еще жила здесь. С годами она не потеряла игривости.

– Но это же… Жанно? Вот так дела… Смотри-ка, у тебя такие же проказливые глаза, как у твоего дядюшки… Когда ты гулял с Луи, никогда нельзя было разобрать, кто из вас больший хулиган.

– Он вам никогда не рассказывал о… птичнике? О месте, где он хотел бы закончить свои дни?

Мне пришлось согласиться выпить с ней чаю с розмарином в надежде, что это поможет ей сосредоточиться. К концу второй чашки она вытащила бутылку коньяку – переключиться на вторую скорость.

– Твой дядя был парень что надо. Мы могли ругаться дни напролет как кошка с собакой через перегородку, а вечером он приходил пропустить стаканчик, и мы болтали. И не о нас с ним, а обо всем мире и что с ним станется. Представь себе, 21 июля 69-го года в два часа ночи мы с ним вместе сидели, вот, где ты сейчас сидишь, и смотрели по телевизору, как американец ступил на Луну.

– А птичник?

– Ну… Что-то припоминаю. Это было по пятницам. Не могу тебе сказать, что именно, но точно по пятницам, лет десять продолжалось. Я ему говорю: «Луи, вы зайдете сегодня вечером фильм посмотреть?» А он мне отвечает: «Вы же знаете, что по пятницам у меня птичник». Он, наверное, голубей гонял или что-то в этом роде, есть такие любители – привязывают письма голубям к лапам, ну как-то так, я не в курсе. Каждую пятницу ровнехонько в шесть часов вечера его приятель Ферре, механик из Борна… помнишь его?

– Никогда о нем не слышал.

– Ну, Ферре заходил за ним, чтобы идти в этот чертов птичник. Твой дядя возвращался поздно ночью, а потом ничего – до следующей пятницы. Больше я ничего не знаю, сынок.

Письма, привязанные к лапкам голубей… Даже если у дяди были странности, эта неожиданная страсть к пернатым показалась мне подозрительной. Но, похоже, у меня появилась зацепка. В тот же вечер я зашел в магазинчик в Борне, где раньше был гараж Этьена Ферре. Этот почтенный старикан жил теперь в спальном квартале в двух шагах отсюда. Тремя часами позже я нашел нужную лестницу и нужную дверь. Мне открыла маленькая девочка:

– Ты пришел на праздник бабушки и дедушки?

В гостиной человек двадцать всех возрастов сидели вокруг гигантского торта, на котором красовалась цифра пятьдесят. Этьен и Жозетта Ферре праздновали золотую свадьбу. Хотя я клялся, что зашел случайно, никто меня не слушал. Когда я отрекомендовался как племенник Луи, Этьен бросился мне на шею. Он сдержал слезы, когда я сообщил ему, что его старый приятель сыграл в ящик.

– Думаешь, он хоть словечком обмолвился, что ему было плохо? В этом весь Луи. Надо сказать, что за последние годы мы не слишком часто виделись. Когда похороны?

– Когда – могу вам сказать: в четверг утром, но пока не знаю где.

Малышка церемонно одарила меня куском торта с клубникой. До сезона клубники было еще далеко.

– Его последним желанием было, чтобы его похоронили рядом с птичником. Насколько я понял, вы с моим дядей посещали клуб любителей голубей каждую пятницу. Не могли бы вы просветить меня на этот счет?

Не знаю, что произошло, но как только я произнес эти слова, в комнате повисло гнетущее молчание, как в доме повешенного, где кто-то неосторожно заговорил о веревке. Этьен внезапно побледнел, а его почтенная супруга поглядела на него с подозрением.

– Скажи-ка, Этьен… Вы с Луи, случайно, не по пятницам перекидывались в картишки у него дома? Ты возвращался черт знает во сколько, и в таком виде!..

– Я старый человек, многого не помню, – сказал мне Этьен. – Мне очень жаль, что твой дядя помер, но сегодня вечером мы празднуем золотую свадьбу, и я тебе желаю тоже до этого дожить. Так что я тебя провожу, потому что это все-таки семейный праздник.

Старик Ферре так и сделал. В две секунды он вытолкал меня на лестничную площадку с энергией, которую в нем трудно было заподозрить. Прежде чем захлопнуть дверь перед моим носом, он сказал:

– Пятьдесят лет ежедневного изматывающего труда, чтобы дожить до этого дня, и ты приперся именно в этот день, чтобы все обгадить со своим поганым птичником! Копайся в прошлом сколько тебе влезет, но меня не трогай! Птичник… Птичник… Иди к отелю «Липы» в Гранвиле, но только, ради бога, не возвращайся рассказать, чем все кончилось.

Было одиннадцать часов вечера. Ни один автобус не шел до Гранвиля. В отеле заснуть не удалось, так что я разбудил ночного портье и до рассвета рассказывал ему о Дунае.

С улицы отель «Липы» выглядит довольно скромным – счастье для бродяг да туристов с рюкзаками. Но, перешагнув порог, вы оказываетесь в небольшом заброшенном дворце, знававшем лучшие времена. Дерево, красный бархат, два лестничных пролета, поддерживаемых атлантами, в общем, настоящие киношные декорации. Меня спросили, не хочу ли я снять комнату. Несмотря на усталость, мне достало сил отказаться. Молодой служащий не мог ответить ни на один мой вопрос: за последние тридцать лет отель три раза менял хозяев, а потом был куплен гостиничным концерном. Управляющий сказал мне примерно то же, и никто из персонала не смог мне помочь. Я приставал ко всем и скоро заметил, что они от меня устали. Я позвонил в похоронное бюро человеку, который был готов забить гвозди в гроб моего дяди. Чтобы выиграть время и принять решение, я снял комнату в «Липах». После обеда я болтался по улицам вокруг отеля, задавая все те же вопросы без ответов, пока какой-то дорожный рабочий не показал мне кладбище – скромный квадрат, обсаженный деревьями – в двух шагах от гостиницы. Мне показалось странным, что в таком уютном городке рядом с такой шикарной гостиницей такое убогое кладбище.

В голове было пусто, в одиннадцать часов вечера я рухнул на кровать перед телевизором, как человек, которому уже на все наплевать. Я снова подумал о дяде, который, глядя «оттуда», должен был если не гордиться мной, то хотя бы отдать должное моему усердию. В эту минуту в дверь постучали. Молодой человек заговорщицки улыбался.

– Я работаю здесь в хозчасти. А сорок лет назад этот отель принадлежал моей бабке. Она помнит вашего дядю Луи.

Я пошел за ним в темную ночь, и он привел меня к домику на окраине города.

– Это очень любезно с вашей стороны, ведь вы мне ничем не обязаны.

– Надо уважать стариков. Мою бабку больше никто не слушает, вся деревня ее вроде как стыдится. Мне нравится то, что вы делаете ради вашего дяди.

Возраст бабки невозможно было определить, она жила в маленькой комнатушке, куда ей удалось втиснуть весь хлам, все свои безделушки.

– Луи Манаваль и Этьен Ферре… В свое время я бы поставила на первого, а вишь ты, остался второй.

– Слово «птичник» вам о чем-нибудь говорит?

Она хихикнула, будто старый стол заскрипел.

– Кто вас только жизни учил… И кто тебе рассказывал о том, как жили в наше время? Ты не знаешь, что такое птичник? Дядя не говорил тебе? Веселый дом, притон… Нет? Бордель, дом терпимости…

– …Публичный дом?

– Именно так выражаются достойные люди. Родители тех, кто теперь показывает на меня пальцем. Неблагодарные! Они должны были наградить меня медалью «За заслуги перед Отечеством»! Но чтобы понять это, нужно вернуться в то время. На-ка посмотри…

Она поставила передо мной разваливающийся ящик из-под шампанского, полный старых фотографий. На одной из них она была окружена девушками, на другой пара танцевала около граммофона, казалось, на всех фотографиях люди были в прекрасном настроении.

– Подожди, я найду хорошую…

Она порылась в куче и с победным видом сунула мне под нос фотографию.

Дядя! Блаженная улыбка, в руках гитара, обнимает за плечи высокую стройную девицу. Я снова подумал обо всех этих пятницах, которые шли сразу за моими четвергами… Никто из моих родных и не догадывался, иначе мне бы запретили с ним общаться, мне бы сказали, что он чудовище, и в один прекрасный день я тоже стану чудовищем. Не лучше, не хуже. Еще одним.

– Ферре был обычным клиентом, заурядный, быстро перегорает, такие приходят с желанием устроить сумасшедший праздник, а уходят поджав хвост, стыдясь себя. Твой дядя был другим. Он был влюблен.

– Что?

– Видишь девушку, которой он поет серенаду? Это была любовь его жизни. Ах, эта парочка… Нужно было видеть… Никогда в птичнике так не ворковали! Он смотрел на нее как мальчишка, умирающий от любви, она так переживала, когда он опаздывал. Это продолжалось десять лет. А встретились-то они у меня, судьба, она не разбирает.

Последние слова она произнесла как-то особенно гордо.

– Он мог бы на ней жениться, вывезти ее отсюда… Насколько я знаю своего дядю, он был вполне на это способен.

– Сейчас-то уж трудно сказать… Между ними словно был заключен некий договор, и никто к ним не лез. Договоры влюбленных – двух одинаковых не бывает.

– А что с ней случилось?

– Однажды утром она ушла, никому ничего не сказав, и никто ничего не знал. Прошло много лет. Около трех лет назад она вернулась, чтобы умереть здесь. Теперь ты знаешь, что тебе делать.

Я сразу узнал ее. На могиле был медальон с ее портретом. Красивая улыбающаяся женщина. Улыбалась она, несомненно, моему дяде Луи. Никто не ставил мне препон, чтобы похоронить его рядом с ней. Договоры влюбленных – двух одинаковых не бывает.

И я вернулся в Будапешт – я был счастлив от сознания выполненного долга. В следующие месяцы я сотни раз собирался рассказать историю своего дяди Луи, но надо было описывать все с самого начала, с того момента, как он впервые увидел меня, до того, как я закрыл ему глаза. А у меня не было таких терпеливых друзей.

В баре Шегеда, в ту минуту, когда я меньше всего ожидал, я встретил Анну. Я тотчас же узнал в ней ту, «что заслуживала того, чтобы идти за ней всю жизнь», как говорил дядя, утешая юношу, зализывавшего первые любовные раны. Я дал себе слово оставлять ее у себя только раз в году. На День всех святых.

Вся поездка ради букета хризантем? Дядя столько не требовал. Я довольно долго простоял на его могиле, глядя на видневшийся вдалеке отель «Липы». На кладбище было довольно много народа, как часто бывает первого ноября. И тут я заметил женщину примерно моего возраста, которая пришла поклониться соседней могиле.

Не обращая на меня внимания, она положила букет, выбросила засохшие цветы и прошлась веником, чтобы обозначить углы могилы. Я почувствовал укол в сердце, в ее чертах мне показалось что-то знакомое. Несомненно, те самые проказливые глаза, о которых говорила дядина соседка.

– Вы приехали издалека, – сказал я.

– Да, я живу в Париже. Никогда не понимала, почему мама захотела быть похороненной здесь.

– Меня зовут Жан.

– Луиза.

– Луиза, я хочу рассказать вам одну историю. И вам, я уверен, достанет терпения дослушать меня до конца.

Время блюза

Сыро, будто в ведро с водой угодил. Это вам не маленький ливень, что мочит вас как бы с неохотой, нет. Тут просто тропический. Ураган пришел издалека, он гонит прохожих и затапливает тротуары. Я знаю, что это для меня, моя жизнь не может оставить меня в покое. Люди вокруг открывают зонты, ищут козырьки подъездов и заскакивают в кафешки. Потухшая вывеска бара странным образом притягивает меня с противоположного тротуара. Я-то думал, что наизусть знаю эту улицу. Дождь сбивает с привычного маршрута. Позволю-ка я себе расслабиться эти четверть часа, пятнадцать минут только для себя, пока мир снова не войдет в норму.

Старое дерево, янтарного цвета бутылки, тишина. Вода ручьями стекает с моего плаща, висящего на вешалке у входа. У стойки я один. Табурет. В дальнем углу парочка пьет пиво и тихо переговаривается. Официант безучастен и нетороплив.

– Мерзкая погода?

– Пожалуйста, виски без льда.

В углу музыкальный ящик. Надо же, они до сих пор существуют. Для него нужны монетки, так ведь? Может, он и картинки показывает, как раньше. Похоже, что нет. Случайно или намеренно, официант выбирает мелодию и смотрит на меня. Боюсь, как бы его вкус не потревожил мое одиночество. Я прихлебываю виски, это согревает меня быстрее, чем что бы то ни было.

Preghero!.. Per te… che hai la notte nel cuore…

Stand by me в исполнении Челентано. Моложе я от этого не стану, но бывает и хуже. Мне всегда нравился голос Челентано, даже когда он рискнул петь американские песни. Мелодия отбрасывает меня назад, в то время, когда возмужание было еще впереди.

Это было больше двадцати лет назад. Они приходили смотреть на то, что потом действительно происходило. Я был особенным. И знал это. И даже смог некоторых в этом убедить. Мне оставалось только ждать, пока моя исключительность проявится. *Stand by me… Ohooo Stand by me…* Томно, немного смешно, но нам нравилось. В ожидании великих дел мы пели. Великие дела запаздывали, но у нас было время. Беда тому, кто сомневается, значит, он уже практически смирился! Позор тому, кто покоряется! Мы расскажем об этом всему свету. Я был скорее красив, и девушки благосклонно выслушивали мои разглагольствования. Пляж, революция и лифчик. *Stand by me… Ohooo Stand by me…* Великие дела запаздывали. И мало-помалу, сам того не замечая, я начал соглашаться со всеми.

Парочка в глубине – смотрят друг на друга и молчат. Влюбленные. Челентано убаюкивает этих несчастных.

Я соглашался со всеми, даже на то, что время проходит. В конце концов оно дает вам понять, что может прекрасно обойтись и без вас. Я соглашался, но меня никто особо не слушал. Маленькие «да», целая цепочка маленьких «да» довела меня до этого богом забытого бара. Как я мог забыть дорогие мне существа на жертвенном алтаре? *Stand by me… Ohooo Stand by me…* Почему я сказал «да» той, что хотела этого гораздо больше, чем я? Почему я хотел, чтобы мои дети были похожи на меня? Теперь я уже не знаю, на кого они похожи. Мы больше не видимся. В их возрасте у меня бы не хватило на это смелости. Почему я пытаюсь считать своих сослуживцев милыми людьми? Почему я дал этой идиотской

болезни расцвести у себя в желудке? Stand by me… Причитания какие-то. По-итальянски еще хуже, чем по-английски. «Preghero per te…» Никто за меня не молился, никто никогда не молится за другого, почему песни вечно морочат нам голову?

Музыка кончилась, а дождь – нет. Время пришло. Я так же жалок, как этот бар. Заказываю еще стакан. Через пять минут, хочу я того или нет, я окажусь на улице. У меня есть право всего на четверть часа, не больше. А этот придурочный официант украл у меня половину своей дурацкой музыкой. И снова идет к своему ящику. Видно, он тоже злится на меня. Он решил меня выжить. Поди узнай почему. Что он там выбрал, чтобы вытурить меня? Попсу? Концерт Брамса? Гитару? Все возможно.

I woke up this morning…

Блюз? Похоже на то. Гитарные – металлические, колючие – переборы. Опять история мужика, у которого все дерьмово с самого утра. Почему они вообще ежедневно встают с постели? Чего упорствовать-то? Не похоже, чтобы все наладилось. И каждое утро будет еще хуже предыдущего. Я это знаю. Я это чувствую. Первая половина и так была утомительна, а та, что осталась, потребует от меня смелости, которой у меня никогда не было. Несмотря ни на что, голос певца жаркий и сильный. Как будто старый мудрый индеец, грустящий по племени, вождем которого он был. Виски неплохо на вкус, наверное, тут играют роль корешки, почва. Цыганская водка. *I woke up this morning…* Когда я встал сегодня утром, я не думал, что будет такой сильный ливень.

Помню время, когда я мог останавливать дождь. Как колдун-индеец. Люди мне не верили, но заканчивалось всегда одинаково – им приходилось признать мои способности. Я даже выигрывал пари. Сейчас-то мне никто не поверит, если я начну рассказывать. Нужно было всего лишь немного сосредоточиться, и дождь заканчивался сам собой. Скольких девушек я потряс этим трюком. Я даже не знаю, был ли это трюк. Я просто очень сильно верил, и все получалось. Я вернул солнце целой деревне, которая уже потеряла надежду. Хотя я давно забыл об этом.

Официант плеснул мне еще виски, хотя я и не заказывал.

– За счет заведения.

Я улыбкой поблагодарил его. Вторая половина будет тяжелой. Но почему бы не сделать этого? Зачем себя ограничивать? И кто знает. С тех пор я лучше понимаю музыку. Я никогда не стану виртуозом, но могу сыграть несколько соло для собственного удовольствия. Наверное, именно это и надо постичь. Долго, терпеливо разучивать гаммы, чтобы потом хорошо играть. Виски уносит меня далеко, к тому человеку, что составляет список несчастий, случившихся за день. *I woke up this morning…* Если бы он не встал сегодня утром, он бы не написал эту чудесную музыку. В этом мире существуют не только талантливые. Есть еще и трудяги вроде меня. Те, что не совершили ничего выдающегося, но обладающие хорошей памятью. И может быть, если… если я сосредоточусь, сейчас, в эту минуту, закрыв глаза…

– Спорю еще на одно виски, что дождь прекратится меньше чем через две минуты.

Официант, усмехаясь, смотрит на меня:

– Шутите? Капли здоровые, как стаканы виски.

– Так спорим или нет?

Он смотрит на часы и дает мне отмашку. Музыкальная шкатулка замолкает. Я крепко зажмуриваюсь.

Когда я открываю глаза, официант, отогнув уголок занавески, смотрит на улицу. Потом, ошеломленный, поворачивается ко мне.

Я встану завтра утром.

Трансферт

В жизни каждой супружеской пары случается утро, когда ваша вторая половина смотрит на вас с легким оттенком сомнения во взгляде. Сомнения или чего-то другого. И в этом другом есть нечто гипнотическое. Впервые вы замечаете беспокойство в глазах того или той, с кем вы до сегодняшнего дня делили эту нежную и рутинную безмятежность. И вы еще не знаете, что именно *вы* являетесь причиной беспокойства.

– Как спалось, Мину?

Мину – это Катрин, женщина моей жизни, я женился на ней двенадцать лет назад. Уже давно она жалуется, что попа у нее отвисла, и пытается убедить в этом меня, ну а я не вижу никакой разницы. В дружеской компании ей иногда кажется, что она не на высоте в некоторых разговорах, и тут она ошибается. Когда на нее это находит, Катрин задается вопросом, правильный ли мы сделали в жизни выбор, но я не мыслю себе другого. Именно поэтому я и люблю Катрин. И только одна вещь меня в ней раздражает – то, что я всегда опережаю ее на пять секунд. Вечных пять секунд.

– Тебе сколько тостов, Мину?

– Один.

Я поджариваю ей два, потому что сегодня у нас брусничное варенье. С абрикосовым или апельсиновым она действительно съедает только один тост, но с брусникой она решит позволить себе второй, она об этом еще не догадывается, но я-то знаю. Вот они, эти самые пять секунд. Я в состоянии закончить большинство фраз, которые она начинает. В магазине я легко угадываю вещи, которые обязательно привлекут ее внимание. Когда мы занимаемся любовью, я с точностью до секунды могу сказать, когда она захочет сменить позицию. Я знаю, что она употребляет прилагательное «любопытный» каждый раз, когда пробует мороженое с имбирем, и «говорливый» – когда встречает болтуна. Она никогда не встречала словоохотливых, многословных или речистых типов – только говорливых. Я всегда знаю, какой лифчик она надела под жемчужно-серое платье.

– Я, пожалуй, съем еще один тост с вареньем! Когда я советую ей посмотреть фильм, который я уже видел, то записываю на клочке бумаги три-четыре аргумента, которые она найдет, чтобы похвалить или обругать фильм. Никогда я не показывал ей эту бумажку, чтобы доказать, насколько она для меня предсказуема, – я слишком хорошо представляю сцену, которая за этим последует и ее способ отплатить мне. Такова Катрин. Все время. Представьте себе, например, завтрак, который мы поглощаем именно в этот момент, и я – учитывая некоторые обстоятельства (субботнее утро, хорошая погода, звонок ее сестры вчера вечером) – прекрасно знаю, что сейчас она снова заговорит о неделе в Ландах, куда ее сестра зовет нас уже несколько месяцев. И будет соблазнять меня рыбалкой.

– Знаешь, любимый, в нашем возрасте надо уметь расслабляться, пора подумать о себе, заняться собой. Тебе, например, это бы сейчас не помешало.

– Что конкретно ты имеешь в виду, Мину?

– Психотерапию.

– ?.. Повтори, пожалуйста?..

– Ты должен сходить к психотерапевту. Думаю, она произнесла это слово впервые за двенадцать лет. И улыбнулась со значительным видом – раньше я за ней этого не замечал.

– И ты говоришь мне это так запросто, ни с того ни с сего, после двенадцати лет совместной жизни, между двумя бутербродами?

– Я давно собиралась тебе это сказать, и сегодня пришло время.

…Кто эта женщина в халате, сидящая напротив меня?

– Вот уже несколько месяцев мы практически не разговариваем, ты ходишь все время хмурый, тебе ничего не хочется, даже дети заметили, и их это пугает.

Хмурый? Почему она не сказала *угрюмый?*

– Это они сами тебе сказали?

– Оба.

– ?..

– Когда в прошлом году ты заболел, мы сделали все возможные обследования, и, слава Богу, оказалось, что это просто небольшое переутомление. Мы не слишком волновались, но, может, ты что-то от меня скрываешь?

Я ничего от нее не скрываю, что и подтвердил с чистой совестью.

– Тогда у тебя что-то на душе, в чем ты даже не отдаешь себе отчета. Тебе нужно кому-то исповедаться. Это может пройти гораздо легче, чем мы думаем.

Неужели все это произнесла Катрин, которую я знаю лучше, чем она сама? Та, которая, засыпая, кладет голову мне на плечо, в тот момент, когда я тушу лампу в изголовье? Та, что изгибается, выходя из машины, боясь, что все увидят ее ляжки? Та, которая постоянно забывает ключи в почтовом ящике, когда получает извещение о посылке? Неужели это та самая женщина? Если она решила пойти мне наперекор и раз и навсегда доказать мне, что она совсем не так предсказуема, как мне казалось, то она не могла придумать ничего лучше, чем эта история с психотерапевтом. Я – и психотерапевт? Как ей только в голову пришла эта нелепая идея?

– Скажи-ка, Мину, ты виделась со своей подругой Франсуазой?

– Конечно, нет.

– Ты листала «Нувель Обсерватер» в гостях у Моро?

– Вместо того чтобы нести всякую чушь, лучше подумай о том, что я сказала. Если постараешься, ты можешь найти хорошего специалиста.

Я не узнаю тебя, Катрин.

– Ты отвратительно вел себя с Моро.

– Не хуже, чем обычно, Мину.

– Да ты еще и издеваешься надо мной!

– Я прекрасно к ним относился до того, как они купили этот домишко в Перше. Когда у них родился ребенок, и то меньше шума было.

– Признайся лучше, что тебе стало не по себе, когда Жак заговорил о своем психоаналитике.

– Что?!

– У него есть смелость, которой тебе не хватает.

– Может, хватит об этом? Уже два часа ночи, мне еще крутиться как сумасшедшему, чтобы найти место для машины, и вообще я хочу спать.

– Ему это помогло. Жюльетта рассказала мне, когда мы были на кухне. Он больше не психует по любому поводу. Он пошел к специалисту, и ему стало гораздо лучше.

– Ты выбрала не самое подходящее время!

– Видишь, как ты со мной разговариваешь? Раньше ты не был таким раздражительным. С каждым днем ты становишься все более дерганым.

– Нет, просто я раздражаюсь каждый раз, когда ты заговариваешь об этом дурацком психотерапевте.

– Потому что я говорю об очевидных вещах, которые ты отказываешься признать!

– Если кому-то в этой машине и нужен психотерапевт, так это тебе! Сходи к этому чертовому специалисту, если для тебя это лучший выход!

В нормальном состоянии после подобного предложения она должна была бы пожать плечами, но она этого не сделала.

– Посмотрим на вещи с другой стороны. Когда у тебя болят зубы, ты идешь к зубному?

– Да.

– Ну а если тебя мучают страхи, ты идешь к психоаналитику, это абсолютно то же самое, для того они и существуют. Они такие же врачи, как любые другие.

– Но, черт возьми, меня не мучают страхи!!!

– Повысить голос на жену впервые за двенадцать лет, это верный знак, дуться с утра до вечера, это тоже признак страха, все время бояться неудачи – это тоже признак, бояться пойти со своими проблемами к психоаналитику – и это признак, и этим мой список не исчерпывается.

– Комплекс неудачника?

– Не иметь желания бороться и особенно считать, что любая борьба изначально обречена на неудачу, как ты это назовешь?

– Иди домой, Мину, я сам отгоню машину.

Сегодня на работе меня заела тоска по Мину. Той самой вчерашней Мину, которую я ждал на всех перекрестках нашей жизни, которая ткала наш повседневный быт с терпением и талантом кружевницы. Эта Катрин, которая теперь жила со мной под одной крышей, была существом удивительным, диким, она приводила меня в смятение, ускользала от меня, я больше не мог предугадать ее реакцию. Была только одна тема, приближение которой я мог предвидеть. И то не всегда.

– Дорогой, ты не забыл, что в субботу у ребенка праздник в школе?

– Конечно, нет.

– Там надо быть не позднее десяти часов, когда Жюльен играет сценку с малышом Клементом.

– Сценку с малышом Клементом? Это тот, который заикается?

– Он больше не заикается, с тех пор как мать сводила его к психотерапевту. Трех сеансов оказалось вполне достаточно.

– Только не сегодня, Мину…

– Это длится уже несколько месяцев, это не может больше так продолжаться! Ты все время раздражаешься, постоянно витаешь где-то в облаках, ничто тебя не интересует, ты больше не обращаешь на меня внимания, мне кажется, что я стала прозрачной, ты никогда раньше не был таким. Хочешь, скажу? У тебя депрессия. И хуже всего то, что ты сам об этом знаешь.

У меня подкосились ноги, я сел. Не надо было этого делать, я словно признал, что она права.

– Да, ДЕПРЕССИЯ, я знаю, что именно это слово тебя пугает, но надо, чтобы ты это признал, иначе ничего не выйдет. Эта такая же болезнь, как любая другая, это лечится. Что-то угнетает тебя, и специалист определит, что именно. Если ты не хочешь сделать это для себя, сделай это для нас.

Она положила мне руку на плечо. Мне хотелось завыть, но в соседней комнате спали дети.

– Все, что я хочу, это видеть тебя счастливым.

Выходя из здания, я последний раз взглянул на табличку «Франсуа РЕЖЕН. Психиатр. Психоаналитик». Я уже не помню, как у меня оказался его адрес. Наверное, мне дал его врач-терапевт. Или мой коллега Жан-Люк. Не все ли равно. Катрин ждала меня, опершись о капот. Увидев меня, она бросила сигарету в сточную канаву и улыбнулась.

– Как все прошло?

– Заводи машину.

Я согласился на этот визит только потому, что он наводил на меня ужас. Причина вполне достаточная, чтобы понять, что за всем этим кроется. Было ли мне что скрывать? Никогда в жизни я ничего не боялся – до сегодняшнего дня.

– Ну, рассказывай!

Доктор Режен усадил меня в кресло напротив себя – так начались самые тяжкие пятнадцать минут моей жизни.

– Мину, ты знаешь, что в минуте шестьдесят секунд?

– ?.. Мы проходили в школе…

– Ты проходила в школе, но у тебя никогда не было ощутимого доказательства. Ты никогда не *ощущала* этих шестидесяти секунд, ты никогда их не проживала. А сорок пять раз по шестьдесят секунд – это чуть больше, чем вечность.

– Но что произошло за эту вечность, черт возьми!

– Молчание. И только. И глаза. Замершие. На мне. Легкая улыбка время от времени, и ты не понимаешь почему. И снова глухое молчание. И ты не знаешь, сможешь ли ты выйти живым. Никогда в жизни я не забуду этот взгляд.

– Ты уже говорил мне то же самое про предыдущего.

– Предыдущий хотел, чтобы я ходил к нему каждый день в течение года или двух. Потом он согласился на три сеанса в неделю. Уж лучше сразу в сумасшедший дом.

– А самый первый?

– Самый первый оказался женщиной.

– И что это меняет?

– Как это «что меняет»? Ты хочешь, чтобы я обсуждал с женщиной свою личную жизнь? Поведал ей свои фантазии?

– Что уж такого особенного в твоих фантазиях?

– Это мужское дело. Что она может в этом понимать?

– Что это за мужские фантазии, о которых нельзя рассказать женщине? В этом не признаются? Что-то, что ты не можешь пережить со мной? Я что, оказалась не на высоте? Ну-ка, выкладывай!

С некоторых пор я полюбил сверхурочную работу и перестал возвращаться домой раньше десяти часов вечера. По субботам под любым предлогом я старался избежать встречи с женой. По воскресеньям я готов был идти в гости к кому угодно, лишь бы не остаться один на один с Катрин. В те редкие дни, когда это все же случалось, мы говорили только об *этом.* Скоро она убедит меня в своей правоте. У меня омерзительное настроение, мне ничего не хочется, и когда вечером я возвращаюсь домой, мне не хочется видеть своих домашних. Слово ужасно, но мне придется признать – у меня депрессия. Даже мой коллега Жан-Люк это заметил.

– Уже поздно, отправляйся-ка домой, открой баночку пивка и поставь комедию с братьями Маркс.

– Не хочется.

– Иди домой, тебя Катрин ждет, я сам схожу к архитектору, отнесу документацию.

– Да нет, я схожу. Если повезет, она уже будет спать, когда я вернусь.

Разве я виноват, что одна мысль рассказать о себе чужому человеку ужасает меня… От этого я стану только еще несчастнее. Катрин хотела, чтобы я задумался, почему так яростно отказываюсь, а я не знал, что думать и как выйти из штопора. Нужно готовить специалистов по страху перед психоанализом. Людей, которые доброжелательно будут выслушивать вас, если понадобится – годами, чтобы однажды освободить вас от этого страха.

Подъезд старого дома. Папка с документацией не пролезает в почтовый ящик архитектора, а консьержки в доме нет. Я ищу звонок с надписью «Ронсар».

– Я принес вам документацию.

– Заходите. Четвертый этаж.

Так я выиграю еще десять минут, уже неплохо. Вчера я проболтался полчаса в кафе, чтобы быть уверенным, что жена уже поужинала. Я уже больше не бываю голодным, и хуже всего для меня встретиться с ней лицом к лицу.

Дверь открывается, на пороге появляется фигура.

Рыжие кудри обрамляют овал невероятно нежного лица.

Учащенное сердцебиение.

– Мне совестно, что я заставила вас тащиться по лестнице. Может, зайдете на минутку? Вы Жан-Люк?

Мое лицо пылает. Кровь стучит в висках.

– …Нет, его коллега, Алан, я тоже работаю над этой документацией. А вы… вы архитектор?

– Что, не похожа?

Она протягивает мне руку, которую я неловко, по-мужски, пожимаю.

Желудок сводит. Ноги ватные. Я захожу в коридор, бумаги выскальзывают у меня из рук, я еле успеваю подхватить их.

– Буду работать над ними всю ночь. Мне обязательно надо представить их завтра в региональный совет.

– Извините, мы никак не могли получить раньше отчет из Гайака.

– Я прекрасно понимаю, что вы тут ни при чем. К тому же с вашей стороны очень любезно принести эту папку прямо сюда. Я как раз пила аперитив, не хотите?

Есть люди, которых знаешь всю жизнь и забываешь, едва потеряв из виду. Десять минут назад я вышел от Элизабет, и мне нужно будет совершить усилие, чтобы сделать вид, будто ее никогда не существовало. Мы выпили по бокалу бургундского, поговорили минутку – она, усевшись на подлокотник кресла, юбка чуть задралась до середины бедра, а я – в неестественной позе, в твидовом пиджаке, пытаясь сойти за блестящего собеседника. Я бы отдал год жизни, чтобы почувствовать вблизи запах ее духов. Совсем близко. Хуже всего то, что в ее поведении было нечто большее, чем простая вежливость. Чтобы быть в этом уверенным, мне пришлось бы зайти гораздо дальше, чем просто бокал вина, а теперь я, наверное, никогда не узнаю, понравилось ли ей что-то во мне. Да и как может понравиться мужчина, у которого голова забита всякой ерундой.

– Ты вернулся еще позже обычного.

Я не знаю, что ответить, и потому молчу.

– Я оставила тебе поесть, на кухне.

Элизабет, ты была всего лишь мечтой, которая растворяется в бессвязном тумане 150 мг валиума. Еще теплое рагу из кролика ждет меня на столе. Грустная и нежная Катрин гладит меня по затылку. Похоже, что в жизни у нас есть право только на одну женщину, и, наверное, это она.

– Ты любишь меня, Алан? – Да.

– А мой кролик тебе нравится?

– Да.

Она украдкой легонько целует меня с заговорщицким видом.

– Знаешь, дорогой, пока я ругалась с мясником, я слышала, как одна женщина рассказывала, как она вышла из депрессии. Так приятно на нее посмотреть, она говорила, что…

Неожиданно я разражаюсь слезами. Катрин обнимает меня.

– Вот увидишь, любимый. Нужно только, чтобы ты нашел кого-то, с кем ты почувствуешь себя в своей тарелке, отличного специалиста.

Я хорошенько выплакался, как ребенок, потом неожиданно, как по мановению волшебной палочки, замолчал. Вытащив платок, я миролюбиво сказал:

– Ты была права с самого начала, Мину.

«Легран. Гравер». Человек стоит у станка. Тот, кого я принимаю за хозяина мастерской, постарше, направляется ко мне.

– Добрый день, я хочу заказать вот такую табличку.

– Самый распространенный вариант – золоченая, но у меня есть и другие. Вы какой шрифт предпочитаете?

– Мне надо точно такую же.

– И что написать?

– Ну… напишите «Профессор Гиянкур. Психоаналитик. Прием по записи».

Неожиданно хозяин бросил подозрительный взгляд на своего помощника, схватил меня за руку и потащил в заднюю комнату.

– Скажите, профессор… Мне бы нужен совет.

Он понизил голос. Что происходит?

– Вам ведь можно все рассказать, это ваша профессия.

– ?..

– Мне весь год по меньшей мере два раза в неделю снится один и тот же сон. Мы с моей женой катаемся на американских горках на ярмарке. Я одет как обычно, а на ней свадебное платье. Ей страшно, она кричит, я оборачиваюсь и вижу, что за нами сидят два типа, похожих на клоунов, и они ржут над нами – надо мной и женой. В эту секунду все содрогается, шпалы американских горок разваливаются, все падают в декорации, я тоже ору, еще громче, чем жена. Я просыпаюсь в поту, в полном ужасе. После такого попробуйте-ка снова заснуть. И так уже целый год. Я больше так не могу, и моя жена тоже! Что вы об этом думаете, профессор?

– Так сразу трудно сказать.

– Американские горки? Клоуны? Свадебное платье?.. К чему все это?

– Когда я могу прийти за табличкой?

– Не раньше среды.

– Я дам вам адрес своего коллеги, у меня огромный список.

– Тебе не обязательно меня провожать, Мину.

– Я тебя знаю. Ты найдешь тысячу Предлогов, чтобы не пойти туда.

– Она хочет, чтобы я ходил к ней три раза в неделю, по крайней мере пока. Здесь направо. Ну вот мы и приехали.

– На первых порах я каждый раз буду тебя сопровождать – раз уж наконец-то ты нашел специалиста, который тебе подходит.

– Как хочешь, Мину.

Она останавливается у подъезда, как раз напротив сияющей золотыми буквами таблички «Профессор Гиянкур». Целует меня в лоб.

– Иди, я буду тебя ждать, не бойся.

Я машу ей рукой и вхожу в здание.

– И будь на высоте!

Перепрыгивая через ступеньки, я взбегаю на четвертый этаж. Элизабет слышит мои шаги и раскрывает мне объятия. Мы падаем па пол, сражаемся, чтобы сорвать одежду, катимся до балконной двери, я поднимаю ее и прижимаю спиной к стеклу. Мне хочется овладеть ею тут же, стоя, с видом на небо Парижа.

– А твоя жена точно ни о чем не догадывается?

В последний момент я удерживаю неодолимое желание, чтобы бросить взгляд вниз. Катрин стоит, опершись о капот, и дымит сигаретой.

– Вроде бы нет, радость моя.

Петиция

До него доносился плач того парнишки из камеры в казарме Е. И пока над тюрьмой плыла эта долгая унылая жалобная нота, сменяющаяся вспышками ярости, Хосе Фаменнес вспоминал о первых минутах в этой дыре. Тогда у него еще были силы плакать. На самом деле слезы – это просто знак того, что он чувствовал себя чуть лучше, словно, после того как уже утонул, вдруг вынырнул – хотя это казалось невозможным, – задыхаясь в водовороте стен. Слезы – это *длинная отмель, с которой человека, ухватившегося за цепи откидной койки, незаметно сносит в океан. А потом парнишка умолк. Как и все остальные.*

Хосе Фаменнес не мог бы заснуть раньше.

* * *

Некоторые встречи никогда не случаются в этом подлунном мире. Страдающий приапизмом никогда не встречает нимфоманку, человек с незапоминающейся внешностью никогда не встречает двойника, о котором ему все твердят, воинствующий атеист никогда не встречает Бога, параноик никогда не встречает ораву шпионов, которые его преследуют, и чиновнику на грани увольнения никогда не встретить своего патрона выходящим из сомнительного заведения.

Забудьте на секунду о том, что я только что наговорил, и представьте себе журналиста на второстепенном парижском радио, у которого даже нет названия, все называют его просто 99.1, даже наша немногочисленная аудитория. Представьте себе меня, Алана Ле Гиррека, прочесывающего город в поисках хоть сколько-нибудь приличного сюжета или обычного интервью, и это будет больше, чем реальность. В реальности же я провожу время, болтая с полузвездами, такими же пустыми, как их еженедельники, и людьми не более талантливыми, чем все остальные, которым и сказать-то нечего. Если подвести итоги нынешнего года, то моими самыми большими удачами были интервью с новой солисткой Crazy Horse Saloon, с венгерским поэтом, который отказывался отвечать на каждый второй вопрос, и с придурком гимнастом, чье имя лучше не упоминать. Теперь можно вернуться к теме невозможных встреч, и вы поймете, что бездарному журналисту вроде меня не остается ничего лучшего, как надеяться на чудо, чтобы получить свои пятнадцать минут славы. Хотите верьте, хотите нет, но мне оказалось достаточно телефонного звонка в нужное время и место, чтобы пресс-секретарь Харрисона Форда вопреки всем ожиданиям выделила мне четверть часа на интервью на съемочной площадке фильма – актер как раз сейчас снимается в Париже. Представляете, интервью у самого Харрисона Форда! Объяснить это невероятное везение просто невозможно, но оно не льстит моему мелкому тщеславию. Наверняка она просто плохо расслышала мою фамилию или перепутала станцию с какой-нибудь другой, но факт тот, что встреча была назначена, и ничто не может мне помешать взять это интервью. Интервью, за которое половина журналистов готовы продать душу. Интервью, благодаря

которому вся публика прилипнет к приемникам. На 99.1 это произвело маленькую революцию. Мой шеф г-н Бержерон впервые посмотрел на меня как на профессионала, блестящего, подающего надежды мальчика, который никогда не должен забывать, кто его вывел в люди. Всю ночь я учил наизусть названия фильмов, в которых снимался Форд, пересматривал самые удачные сцены и оттачивал вопросы, казавшиеся мне гораздо менее банальными, чем те, на которые он отвечал до сих пор. Харрисон Форд, безусловно, надолго запомнит нашу встречу, и, может, в следующий свой приезд в Париж он потребует меня лично и никого больше. Мой верный техинженер Роже должен был заехать за мной в 13.00, чтобы через полчаса оказаться на съемочной площадке на бульваре Гренелль – на час раньше встречи, чтобы быть готовыми к любым неожиданностям. В 12.55 в дверь позвонили. Я пошел открывать, благословляя профессионализм своего коллеги.

Вместо Роже за дверью стояли четверо, трое из которых были мне совершенно не знакомы.

– Привет, Алан. Познакомься: Дидье, Жан-Пьер и Мигель. Можно войти?

Это Батист. Когда-то я брал у него интервью – он хотел создать едкий журнал о парижских буднях. Передача на 99.1 помогла ему организовать подписку, но дальше дело не пошло, несмотря на все его старания. Увидев его в дверях, я подумал, что он все еще одержим своим журналом.

– Слушай, Батист, у меня нет времени. За мной сейчас заедут, у меня очень срочное дело.

– Нет ничего срочнее, чем дело, по которому мы к тебе пришли. Ты журналист, должен понять. Мы члены комитета по поддержке Хосе Фаменнеса.

Он ждал, что моя журналистская жилка дрогнет при звуках этого имени, он произнес его, словно бомбу бросил. Но журналист во мне молчал. Уж не знаю, то ли меня раздражали заявившиеся ко мне незнакомцы, то ли я нервничал перед важным интервью, но только я вполуха слушал грустную историю про политзаключенного, где-то в Южной Америке ожидавшего смертной казни.

– Это может произойти через несколько часов. Мы хотим провести демонстрацию сегодня вечером перед посольством Сан-Лоренцо, нас поддержат, мы не можем оставить его умирать просто так. Мы написали петицию.

И он протянул мне странички, заполненные именами и адресами. Это пробудило во мне воспоминания молодости. В комнате повеяло чем-то серьезным.

– Двести сорок три подписи, все люди известные и уважаемые. У нас тут бывший министр, двадцать восемь депутатов, куча писателей, двадцать шесть журналистов, самые сливки. Так что мы можем побороться, но у нас не так много времени, чтобы донести это до сведения посла. Потом может быть слишком поздно. Нужно, чтобы ты сказал об этом по радио, надо поднять людей!

Жан-Пьер смотрел на меня. И Мигель тоже. И Дидье. Я опустил глаза, как маленький мальчик, которого взрослые застали за чем-то нехорошим.

– До завтрашнего дня пробиться с этим на радио довольно сложно, у меня дико важное задание, надо взять интервью у кинозвезды сегодня вечером.

– К тому времени Фаменнеса уже казнят.

– Ты сделаешь это сейчас, – произнес Мигель с нажимом. – Выйдешь в эфир со спецвыпуском, чтобы призвать всех на демонстрацию сегодня вечером. Ты не можешь этого не сделать!

И он протянул мне петицию и ручку. Жест, которого я ждал с самого начала. Мигель и не подозревал, что я за человек.

Человек, который однажды испугался ареста, так как совершенно случайно оказался участником демонстрации бастовавших медиков. Человек, который предпочитает не заполнять никаких анкет, боясь, что они попадут в руки тайной полиции. Человек, который не голосовал на последних президентских выборах, потому что в тот день должны были доставить видеомагнитофон. Все это я, не рисуясь, хотел сказать Батисту и остальным, но чтобы сознаться в отсутствии смелости, нужна смелость, которой у меня нет. С видом человека, исполняющего свой гражданский долг, я приписал внизу: «Алан Ле Гиррек, репортер, 151, улица де Фландр, 75019, Париж».

Это самое большее, что я мог для них сделать. А еще пожелать удачи. При условии, что они оставят меня в покое.

Я машинально проглядывал пятнадцать страничек, сколотых скрепкой, и вдруг одно из имен зацепило мое внимание. И тут же Батист выхватил у меня листки и сунул их в синюю папку.

– Мы надеемся на тебя, Алан. *…Марлен?..*

– Нам надо еще успеть к парню с телевидения, чтобы он подписал.

МАРЛЕН?

– Было бы здорово, если бы ты смог объявить об этом в эфире. Минутное дело. Сделай это.

…МАРЛЕН МАРЛЕН МАРЛЕН МАРЛЕН МАРЛЕН…

Все связалось за долю секунды – Батист, имя Марлен, вечеринка, которую он организовал в честь запуска своего журнала, она была там, я не видел никого, кроме нее, Марлен, Марлен. Такая же прекрасная, как ее имя, блондинка с зелеными глазами, смесь неброской красоты и затаенной порочности свела меня с ума. Я все испробовал, чтобы заполучить номер ее телефона: я пустил в ход все козыри, говорил о любви, предлагал ей руку и сердце, и если бы она согласилась, сегодня я бы нашел гораздо более серьезную работу, и у нас бы было уже двое или трое малышей. Я безуспешно пытался встретиться с ней, и достаточно было увидеть ее имя среди других, как я понял, что до сих пор не смог ее забыть. Я подумал, что Батист и вся эта его история с заключенным дают мне шанс.

– Ну так что с радио?

Бывают в жизни минуты – судьба стучится в дверь, когда ты меньше всего этого ждешь. Но этот стук обычно еле слышен, на него можно не обратить внимания, как на имя, затерянное в списке. Но если не ответить на него, то скорее всего пожалеешь об этом лет через пятьдесят, сидя в кресле-каталке с пледом на коленях.

Аккуратно положив петицию в папочку, Батист собрался уходить.

– Я не уверен, что правильно написал свой адрес. Вынь, я посмотрю.

– Да ладно, Алан, подумай лучше о передаче.

– Нет-нет, – настаивал я, – такие мелочи иногда оказываются очень важными. Дай сюда.

Батист удивленно протянул мне странички. Я сделал вид, что проверяю, задержав их как можно дольше в руках под взглядами четырех пар слегка озадаченных глаз.

– Мы пошли, подумай о нас, Алан.

Я удержал его руку на секунду и наконец увидел: «Марлен Киршенвальд, журналист, 3, улица дю Тампль, 75004, Париж».

Я проводил их до двери, с трудом скрывая переполнявшие меня чувства. Они долго жали мне руку, а я твердил про себя адрес девушки. Как только за ними закрылась дверь, я бросился в комнату и нацарапал на первом попавшемся клочке: «Марлен Кларвейн, 3, улица дю Тампль, 75004, Париж».

Главное интервью в моей жизни, и вот теперь – женщина моей мечты… Незабываемый день! Марлен Кальвейн… 3, улица… улица дю Тампль или… или улица Вьей-дю-Тампль? Кларвейн или Кершеваль? Есть еще бульвар дю Тампль, в третьем округе! Номер дома 43! Или 31?.. Марлен Клар… Кларвельд! А улица Вьей-дю-Тампль идет из третьего в четвертый округ! Вне себя от ярости, я стукнул кулаком по столу, бросился на балкон и увидел, как Батист с компанией залезают в машину. Это судьба! Судьба-индейка, это всем известно, она не посылает знаков без подтверждений, надо пройти половину пути, и тогда вы поймете, что это действительно судьба.

– Бати-и-ист! – заорал я, чтобы перекричать шум мотора. И сломя голову скатился по лестнице.

– Слушай, я тут подумал, у меня клевая идея.

Они разволновались, ожидая, пока я отдышусь.

– Я сегодня беру интервью у Харрисона Форда. Сечете?

Судя по их выражениям – нет.

– Он из тех, кто никогда не отказывается подписать такие серьезные петиции. Ты знаешь более известную кинозвезду? Представляешь себе его имя на этой бумажке? Оно перекроет всех: политиков, телевизионщиков…

– …Харрисон Форд? Думаешь, это будет правильно на такой серьезной бумаге?

Мне даже не пришлось отвечать, Мигель сделал это за меня.

– Правильно? Да он кумир трех-четвертей населения планеты, в один прекрасный день он будет претендовать на кабинет в Белом доме.

– Его и сейчас больше слушают, чем американского президента, – вставил Дидье.

– Если правительство Сан-Лоренцо узнает, что артист вроде него включился в кампанию, у нас будут все козыри на руках, – не остался в стороне Жан-Пьер.

Батист не стал тянуть резину и вытащил свои листочки.

– Когда интервью?

– Сегодня вечером.

– Если тебе удастся вытянуть из него хоть слово о Фаменнесе, ты скорее всего спасешь ему жизнь, – произнес Батист дрогнувшим голосом. – Встретимся около шести у посольства, я буду во главе демонстрации. У тебя есть номер моего мобильника?

Я кивнул, они сели в машину. Прежде чем машина отъехала, они очень серьезно поблагодарили меня от всего сердца. От этого мне стало немного не по себе. Через несколько часов моя карьера наберет обороты, я, возможно, обрету женщину моей мечты и со смущенным видом отдам Батисту петицию, объяснив, что Форд ни о чем не хотел слышать. Одним приятелем меньше.

Появился Роже. Он был удивлен, увидев меня посреди улицы с какими-то бумажками в руках. Я попросил его подождать секундочку, пока я сбегаю наверх, захвачу свои причиндалы.

«Марлен Киршенвальд, журналист, 3, улица дю Тампль, 75004, Париж».

Меньше чем за две минуты компьютер выдал мне номер красавицы.

– Алло, Марлен?

– Да.

– Это Алан Ле Гиррек, журналист с радио 99.1.

– …Кто?

Да уж, меня редко запоминают. Мне и так повезло, что я застал ее дома. Судьба…

– Мы встречались на вечеринке, посвященной выходу пилотного номера журнала Батиста.

– ?..

– Он только что дал мне подписать петицию об освобождении Хосе Фаменнеса, ты идешь на демонстрацию?

– …Да.

– А я не могу, беру интервью у Харрисона Форда как раз в это время.

(Должно сработать, должно сработать, должно сработать…)

– У Харрисона Форда? У самого Харрисона Форда?

(Я был уверен! Я был уверен!)

– Да, у того самого. Обычная работенка. Что касается Хосе Фаменнеса, мне кажется, что мы, журналисты, должны объединиться, сделать что-то сообща, а не кричать каждый из своего угла, понимаешь?

– Может, встретимся, обсудим все это, как только я закончу с Фордом?

– …Где?

(Я просто гений! Я просто гений!)

– Ну, в каком-нибудь баре, например, в «Палантино», это в Маре.

Внизу Роже принялся сигналить как сумасшедший.

– Во сколько?

– В восемь пойдет?

– Договорились, – ответила она и повесила трубку.

Нашего первенца мы назовем Хосе.

Чтобы наверстать упущенные минуты, я гнал машину как сумасшедший, не переставая мечтать о бедрах Марлен, о глазах Марлен, о щиколотках, хрупких, как ножка бокала, о всех мелких радостях, что ожидают меня в ближайшем будущем. Обеспокоенный Роже все твердил мне о своей жизни, что он всегда хотел умереть во сне на хуторе в Нуармутье в возрасте восьмидесяти лет, а не в машине, которую ведет маньяк, в погоне за актером, снявшимся в «Звездных войнах». На месте уже готовили павильон, царило веселье, светило солнце. Я спросил, где же звезда.

– В ресторане с директором студии. Никто не знает, где именно. Мы слегка запаздываем со съемками из-за погоды, вам придется подождать часиков до шести вечера.

Этот добродушный парень только что объяснил мне, что моя жизнь – пропащая. В этом мире некоторые встречи никогда не случаются, и я был идиотом, когда решил, что я исключение. Я слишком взывал к судьбе, она почувствовала себя загнанной в угол и не смогла подарить мне сразу два невероятных события в один день. Что я скажу Бержерону? И что я скажу Марлен?

Что Форд предпочел моим вопросам десерт? Я на секунду присел на рельсы операторской тележки, чтобы смягчить боль отчаяния. Видя мое разочарование, Роже дипломатично, как мог, стал меня утешать:

– Не вешай нос, старик. У нас осталось интервью с ди-джеем.

В этой пустыне я заметил фотографа, который, казалось, был осведомлен лучше других. Он заверил меня, что Форд не из тех, кто «кидает», и раз он сказал, что будет здесь в шесть вечера, значит, будет, профессионал все-таки. Нам оставалось только ждать три часа, потягивая кофе и жалуясь на жизнь. И тут Роже предложил:

– Ты делай что хочешь, а я пока заскочу в свой клуб, это единственное место, где я могу расслабиться. В двух шагах отсюда.

– Какой, к черту, клуб?

– Чудное место, суперчастное заведение, я хожу туда два раза в неделю. Пошли, развеешься немного, а то будешь тут, как тигр в клетке.

– Мой бедный Роже, мне хочется кого-нибудь придушить, а ты предлагаешь мне расслабиться в каком-то паршивом клубе.

– Именно. Это единственное место, куда надо бежать со всех ног, когда ты хочешь кого-нибудь убить. – Он понизил голос: – Но только между нами. Никто, даже моя жена, не знает, что я туда хожу. Мой сосед предложил мне однажды пойти туда, и с тех пор… я подсел.

Как вы понимаете, отказаться было невозможно.

Пять минут спустя мы входили в развалюху из красного кирпича. Обшарпанный коридор заканчивался бетонной лестницей, по ней мы спустились в звуконепроницаемый ангар. Четырнадцать мужиков, все в бесшумных шлемах и с огромными винтовками, стреляли как помешанные по картонным фигурам, висящим на тросах. Когда я вошел в тир, мне показалось, что шальной пулей пробило барабанную перепонку.

– Чем занимается твой сосед?

– Он – полицейский.

Роже чувствовал себя здесь как рыба в воде. Он представил меня всем стрелкам, и через секунду у нас в руках оказались револьверы. Я подумал, что неожиданности сегодняшнего дня на этом не заканчиваются.

– Как ты считаешь, что я должен с этим делать? – спросил я, показывая ему «пушку».

– Попробуй – увидишь. Это как в кино. Даже Форд учился стрелять в таких местах. Увидишь, как успокаивает.

– Роже, я не вижу в этом ничего хорошего. Вместо ответа он на одном дыхании разрядил обойму, так что мне пришлось заткнуть уши. Больше никто не обращал на меня внимания, я остался один с револьвером в руке, как с собеседником, который слишком долго молчал. В чем-то Роже оказался прав: возможно, этот тир объяснит мне что-то главное о том, как становятся героями. Ничего случайного не бывает.

А потом я уже ни о чем не думал, я палил, и палил, и палил, и мир испарился облачком дыма.

Роже вытолкнул меня в реальность, но все всплыло в памяти только с дневным светом. Я весь провонял порохом, а в глазах у меня все еще приплясывали отблески. Это продолжалось некоторое время, пока мы снова не попали на съемочную площадку с декорациями и массовкой поистине голливудского размаха. Посреди этого водоворота фотограф кивнул мне на агента Форда, который выкрикивал нечто странное в сторону фургона. Я быстро сообразил, что за драма здесь разыгралась: по причинам, известным ему одному, самый выдающийся современный актер наотрез отказался выходить из своей гримерной. Люди вереницей проходили под окошком, умоляя его вернуться. Я хотел затесаться в толпу, протянуть микрофон, сказать, что сейчас решается моя судьба, что ему достаточно произнести несколько слов для 99.1, чтобы сделать меня знаменитым, но, увидев горилл Форда, смотревших на меня, я отказался от этой затеи. Апатия моя разом сменилась слепой яростью. Я уже начал подозревать, что Форд умрет раньше, чем я смогу взять у него интервью, и я, как все бумагомаратели мира, напишу некролог, такой же тривиальный, как сотни ему подобных, а много позже, укрыв ноги пледом, перед камином, буду вспоминать, как прошел всего в нескольких шагах от кумира.

– Это уж слишком, – пробурчал Роже, мечтавший только о том, чтобы вернуться домой после довольно бессмысленного трудового дня.

И был прав. Главный оператор заявил, что солнце садится, план все равно потерян и пора сворачиваться. На мгновение я представил себе, как возвращаюсь в тир, забираю

револьвер и начинаю палить в этот чертов фургон, пока оттуда на коленях не выползет Индиана Джонс, умоляя меня выслушать его.

На часах 19.30. Я прошляпил главное интервью в своей жизни, но я не собираюсь упустить женщину моей мечты. Фотограф утешил нас, что еще не все потеряно: продюсер организовал вечеринку в ночном клубе «Уайатт» в центре Парижа, вся съемочная группа приглашена, и Форд обещал зайти.

– Харрисон – человек непредсказуемый, он может дать интервью и в ночном клубе, на вашем месте я бы не вешал нос.

Я пожал плечами, но все же поблагодарил его и отчалил в направлении бара «Палантино» – Роже обещал меня подкинуть. Я причесался, почавкал жвачкой, чтобы освежить дыхание, и снял рубашку, чтобы проветрить ее, опустив стекло в машине.

– Не переживай, будут другие. Мерил Стрип! Джек Николсон! Послушай, у меня есть приятель, который ходит в ресторан, где часто бывает Депардье!

Естественно, мы попали в пробку, и я в который раз убедился, что закон *наибольшего невезения* невозможно обойти.

– Это еще что за дерьмо? Толпа преградила нам дорогу.

– Демонстрация!

Роже попытался прочесть надпись на транспаранте.

– Освободите… Хосе… Хосе… Фарреса? Что это за чувак?

Машина влилась в людской поток, и я увидел постепенно исчезающее – как бывает во сне – лицо Марлен, одиноко сидящей с рюмкой текилы в руке. Лицо исчезло и больше не появлялось.

– Хосе Фа-мен-нес, – раздраженно прочел наконец Роже. – Чтоб этот тип сдох в тюряге! Твою мать, только этого не хватало! Я обещал Мартин заехать к няне за детьми.

И тут я вспомнил все: политзаключенный, Батист и компания, демонстрации, и не забыть о…

– Роже, моя синяя папка! РОЖЕ! Синяя папка! Папка, Роже, а в ней очень важные бумаги!

– Кажется, когда ты стрелял, рядом с тобой на стойке валялась папка. Думаю, ты там ее и забыл.

На часах 19.45. Батист меня четвертует, если я не верну ему петицию, тем более без обещанной подписи. Марлен быстро потеряет терпение, а судьба вряд ли даст мне еще один шанс. Черт возьми, речь идет о моей жизни!

– Слушай, Роже, это очень важно, пожалуйста, поезжай в тир, найди эту чертову папку и вручи ее человеку по имени Батист. Буду обязан тебе по гроб жизни.

– Не могу. После няни надо еще отогнать машину на радио, а потом мы ждем друзей к ужину в девять вечера.

– Проси все, что ты хочешь!

– Меняю свой ночной эфир в понедельник на твой четырехчасовой по субботам. На весь год!

Я согласился на этот чудовищный шантаж, надеясь попозже уломать его. Он записал номер Батиста, и я стал проталкиваться через это людское болото к бульвару Сен-Жермен. Из громкоговорителя доносился голос Мигеля:

– Надо убедить посла Сан-Лоренцо принять нас!

Издалека я увидел силуэт Жан-Пьера и спрятался за кордоном, охранявшим демонстрацию. На ближайшей улочке я поймал такси и пообещал шоферу королевские

чаевые, если он доставит меня в «Палантино» за десять минут. В 20.05 я взялся за ручку двери накуренного и полупустого бара.

Марлен сидела, словно потрясающе красивая актриса, инкогнито забредшая в этот странный бар. Неожиданно на углу красной скатерти перед моими глазами разыгралась вся моя жизнь. Не прошлая, нет, будущая. До самого конца, до последнего вздоха, фильм, в который я вошел, переступив порог этого бара. Ее короткое красное платье, которое я скоро сомну, ее губы, которые произнесут «да», ее глаза – она передаст их нашим детям, ее волосы, которые я увижу седыми. С пылающими щеками я сел напротив нее. Бармен угадал, что мне необходимо, и принес мне рюмку еще до того, как мы успели произнести хоть слово.

– Извините за опоздание. Это все Харрисон Форд. Очень любезный, но жутко болтливый. Пора заняться Хосе Фаменнесом, я только что с демонстрации, там все путем, посол вроде реагирует. Я тут подумал, что мы с вами могли бы обсудить нашу свадьбу, так, по-быстрому, мы могли бы…

– Что?

– Я говорю, что без нас, журналистов, у них ничего не получится, нельзя забывать, что на карту поставлена жизнь человека, что мы одни можем повлиять на общественное мнение. Люди устали от войн и катастроф. Ведь никто во Франции не знает, кто такой Фаменнес. Время не ждет, надо действовать, сначала будет трудно, надо будет снять какую-нибудь не очень дорогую квартирку, с субсидиями для молодоженов мы можем… Я хочу сказать, у нас нет выбора, надо говорить об условиях содержания заключенных в Сан-Фернандо и…

– В Сан-Лоренцо.

– Один черт! Фаменнес умирает за права человека в ужасной камере, а мы погрязли в своем эгоизме!

– Он в «Плазе»?

– Кто?

– Форд. Обычно он останавливается в «Плазе».

– В данный момент он заперся в своем фургоне, и никакими силами его оттуда не выманишь. У Батиста и его приятелей есть способ надавить на посла, мы должны…

– Он все еще с этой своей сценаристкой?

– Кто, Фаменнес?

– Да нет же, Харрисон Форд.

– Вам это интересно?

Вместо ответа она битых полчаса без остановки рассказывала мне биографию и шедевры самого великого актера нашего века, рядом с которым Лоренс Оливье казался просто танцором в кабаре, а Марлон Брандо – избалованным фермером.

– Я влюбилась в него после «Американского граффити». Мои самые любимые герои – это Хан Соло и Индиана Джонс, но вообще-то мне нравятся все его персонажи.

– Вам не кажется, что он немного… ну, другого поколения?

– Харрисон – герой. И зарубите себе на носу, вам несказанно повезло, что вам посчастливилось пообщаться с ним.

В эту минуту влетел Роже.

– Небольшая проблема.

Не успев поинтересоваться, что случилось, я открыл папку, чтобы убедиться, что петиция на месте. Она была там. Мне даже показалось, что листков больше, чем было.

– Я слушал радио, эта история с Сан-Лоренцо наделала шума. Посол согласился перед отлетом принять делегацию от комитета, они говорили о петиции, похоже, что многие хотят ее подписать.

– Отлично, в чем проблема?

– Проблема в том, что ребята из тира посмотрели, что за бумаги в папке. Они сообразили, в чем дело, и выразили свою поддержку Хосе Фаменнесу. Взгляни…

Я не сразу понял, но, вглядевшись, обнаружил что-то вроде мозаики – подписи красной ручкой, вписанные там и сям в оставшиеся пробелы.

– Я разговаривал по телефону с твоим приятелем Батистом, он придушит тебя, если ему придется идти к послу с пустыми руками. Взгляни, и ты поймешь, почему я бы предпочел, чтобы ты отдал ему это сам. Ах да, забыл – Бержерон сказал, что вышвырнет тебя с радио, если ты не принесешь ему интервью с Фордом.

Эрнест Лефор, вышибала. Мимиль де Руло, головорез. Полковник Рике, военный. Джонни Тарже, снайпер.

– …Роже?

Рику ла Чач, президент Общества бывших заключенных.

Альбер Донзу, наемник на пенсии.

– Роже, ты где?

Дино Манелли, управляющий делами в Палермо.

Квентин Тибюрс, торговец оружием.

Этьен Манган по прозвищу Грубиян, выбиватель долгов.

– Похоже, что-то не так, – заметила Марлен. Она и не подозревала, насколько попала в точку.

Роже испарился, не дожидаясь продолжения. А я остался с тридцатью выражениями солидарности, которые, несомненно, вызовут уважение посла.

– Алан, вы знаете, что вы на него похожи?

– …А?

– Вам никогда не говорили, что вы смотрите так же, как он? С той же хитрецой во взгляде, с такой же растерянной улыбкой?

– ?.. Послушайте, Марлен, у меня был очень тяжелый день, полный всяких неприятностей, у меня голова всем этим забита, поэтому я не понял ни слова из того, что вы сейчас сказали.

– Вы ужасно напоминаете Харрисона Форда.

И чтобы подчеркнуть важность сказанного, хлопнула рюмку водки. А я по непонятным причинам вдруг почувствовал себя важной шишкой. А что – ведь если взглянуть повнимательнее, она, несомненно, права. Есть во мне что-то такое, что он тащит из фильма в фильм, – эта способность постоянно взрываться, но так, чтобы никто не догадывался, жить так, словно жизнь – это безнадежная война, но никогда не выдергивать чеку из гранаты, спрятанной глубоко внутри. Я разделил с Харрисоном Фордом эту ношу, и ничто больше меня не удивляло: ни это чудесное согласие на интервью, ни судьба, помешавшая этой встрече, ни то, что Марлен первая заметила, как мы с ним похожи. Поход в тир и влюбленные глаза прелестницы, когда речь заходила о нем, были тому веским доказательством. Ничто меня не пугало. Наоборот. Я воспринял это как знак и подтверждение того, что наша любовь станет еще прекраснее, если мне удастся заставить ее забыть беднягу Форда. Анализируя создавшееся положение, я понял, что у меня есть шанс создать безоблачное будущее. Чтобы меня не выставили с работы, чтобы Батист со товарищи не начистили мне морду, чтобы стереть тридцать нежелательных подписей, чтобы получить самое престижное интервью в своей жизни, чтобы завоевать сердце красавицы, я должен пойти в этот ночной клуб, вызвать Харрисона Форда на дуэль и получить невозможное – его подпись под петицией. Что

я и предложил Марлен. А она только того и ждала. По дороге мне пришел в голову сотый повод сделать все именно так. Очень важный повод, о котором я на секунду забыл, повод, который сделает из меня героя: спасение Хосе Фаменнеса.

Я ожидал, что придется долго уламывать вышибал, чтобы они оказали нам честь и впустили в «Уайатт». Но фотограф быстренько все устроил, к великому удовольствию Марлен. Он снова заверил меня, что Гарри непременно зайдет. Мы пропустили по две рюмки водки, потом начался стриптиз, который по степени очарования мог соперничать с рекламой стирального порошка. Словно для того чтобы спасти умирающее веселье, подключился диджей, и кучка возбужденных людей затопила бар, дергаясь в такт современной музыки. Марлен выпила очередную рюмку водки (чтобы залить страх перед встречей с великим человеком) и во второй раз не попала рукой на подлокотник. Когда мы поженимся, спиртное придется держать под замком. Марлен поднялась и нетвердой походкой двинулась к танцующим, она имела успех, завоевав себе место коленками. Я ощутил волну адреналина, танцоры разбрызгивали пот, а совершенно счастливая Марлен вся отдалась мистическому танцу, основанному на подергиваниях тазом. Об этом я никогда не расскажу нашим детям. Но я все-таки профессионал, а потому проверил, как работает магнитофон, выпил последнюю рюмку водки и позвонил Бернару, который в тот момент был в эфире 99.1, чтобы он объявил интервью. Поднимаясь по лестнице, я увидел, что синяя папка, мелькая в воздухе, переходит из рук в руки. За долю секунды я понял, что эта папка уже давно живет своей собственной жизнью, не заботясь о своих владельцах, сама по себе продолжает путешествие, обретая силу с каждой новой подписью. Теперь уже я нуждался в ней гораздо больше, чем она во мне. И я, как проклятый, поперся через эту людскую массу, надеясь перехватить папку. Разъяренный, я раздавал пощечины направо и налево тем, кто вклинивался между мной и папкой, и наконец вырвал ее у какой-то девицы в блестках. Среди этих диких децибелов и потных тел, ошалев от ярости, я тупо разглядывал странички, оказавшиеся у меня в руках. Пятно виски расплывалось на первой странице, превращая два десятка имен в черные подтеки. Что было не так трагично по сравнению с последующими страницами.

Линда —Горячие Губы, стриптизерша.

Джино Монтальдо, танцовщик кабаре.

Мадо Фру-Фру, транссексуал.

Дидье, Эдди, Пауло, вышибалы.

Рики Руаяль, гитарист.

Бемби Крейзи Легз, художник.

Не говоря уже о двух весельчаках, помиравших со смеху, которые, глядя на меня, приписали на полях:

Жен Пеплу и Сем Эклатт, гуляки.

Самые разнообразные чувства охватили меня, навалилась чудовищная усталость. Я разрывался между желанием раскроить череп первому, кто подвернется мне под руку, и бежать – далеко, в затерянные края, туда, где слышно, как растет трава и летают насекомые. А потом странное сострадание ко всему человечеству зародилось во мне. Все эти люди, какими бы странными они ни были, несмотря на свой образ жизни, приняли судьбу Фаменнеса близко к сердцу и высказали ему свою скромную поддержку – росчерк пера внизу страницы. Лучше смотреть на это с такой точки зрения, вы не согласны?

Барабанная дробь и гром литавр – все застыли. В охваченный лихорадкой муравейник вошел Харрисон Форд. Марлен вскочила на скамейку, чтобы разглядеть его получше. Я сделал то же самое. Я так ждал его. Надеялся. Даже если мне нужно было вырвать у него несколько слов для интервью, чтобы не потерять работу, заставить его подписать петицию, чтобы спасти жизнь человека, сказать ему, насколько мы с ним похожи, познакомить его с

женщиной моей мечты, чтобы она предпочла ему меня, в настоящий момент главное было – увидеть его.

– Кажется, на улице на него набросилось человек пятьсот, – сказал кто-то рядом со мной.

– Фанаты?

– Возможно, но не только.

Форд даже не успел сесть, а вышибалы ничего не смогли сделать, когда ворвалась свора во главе с Батистом. Его глаза горели ненавистью, он призывал крушить все вокруг.

– Хватайте этого подлеца!

Я не мог понять, что же такого Форд мог сделать, чтобы до такой степени вывести из себя Батиста. Я сообразил, кого они ищут, только когда заметил Марлен. Она билась в истерике на своей скамейке и, преданно глядя на Батиста, показывала на меня пальцем.

– Вон он, вместе с петицией! Это все из-за него! Он врет, он обманщик, не выпускайте его!

Батист увидел меня, заорал, в воздухе замелькали стаканы, толпа перевернула столы, через секунду в зале началось побоище. Все накрыла невероятная волна злобы, страха, алкоголя, а я прятался под скамейками, чтобы выжить. Телохранители Форда вынули револьверы и образовали вокруг него живой щит, уровень ярости повысился в два раза, и я даже не знаю, как смог добраться до черного хода, возможно, как раз вид этой полутысячной толпы, готовой растерзать меня на месте, заставил меня мобилизовать все свои силы. Марлен, почему ты предала меня? Мы с тобой могли пережить нечто незабываемое. Со временем ты бы стала менее фривольной, у нас бы были отличные дети, старший Хосе, и младший Харрисон. Мы бы заменили водку на отвар из ромашки, мы пришвартовались бы в тихой гавани, далеко от Парижа и его суматохи, далеко от всего мира. Марлен, ты наверняка была моей судьбой, но она, увы, забыла сообщить тебе об этом. На последнем издыхании я выбрался на улицу и побежал как сумасшедший, сворачивая на незнакомые улочки, вскочил в такси – водителю не привыкать к таким пассажирам.

– Куда едем?

Я дал ему адрес 99.1, это было единственное место в мире, где у меня оставался шанс спасти свою шкуру. Я даже попросил водителя найти радио, чтобы настроиться на нужную волну. Я услышал голос Бернара, который как раз заканчивал ночной выпуск.

– По до сих пор неизвестным причинам дискотека «Уайатт» была разгромлена несколькими сотнями демонстрантов, которые сегодня вечером бойкотировали посольство Сан-Лоренцо. Харрисону Форду, который на этой неделе снимается в Париже, удалось ускользнуть из дискотеки после яростной стычки с демонстрантами.

Когда я ворвался в студию, Бернар только что поставил песню Чарли Мингуса, чтобы успокоить аудиторию. Я кинулся к своему столу, сметая все, что попадалось мне на пути.

– Бернар, поверь мне, я ни в чем не виноват…

– Так вся эта заваруха из-за тебя?

– Говорю же тебе, я тут ни при чем. Мне нужно место, где была бы соблюдена моя журналистская неприкосновенность.

– ?..

– Я не имею ничего общего с преступлениями, в которых меня обвиняют. Предупреди консулат, посольство, международный суд, мне нужен диппаспорт и убежище в стране, которая не выдает преступников.

– Бержерон вышвырнет тебя за дверь, он не сможет пережить, что ты так облажался с этим чертовым Харрисоном Фордом.

– Дался вам этот Харрисон Форд! Всего лишь актеришка, этот парень может произнести пару заученных слов перед камерой, как мы с тобой, если бы нас попросили. Умеет стрелять из пистолета? Я тоже, и делал это не далее как сегодня вечером. Он хоть раз рисковал жизнью ради других? Нет? А я вот рисковал.

Бернар смотрел на меня с легким удивлением, пока не затрещал телетайп. Я видел, как он побледнел и бросился к микрофону, чтобы оборвать Мингуса. Хотя Бернар читал, создавалось впечатление, что он мучительно подыскивает слова.

«Франс-пресс сообщает, что группа вооруженных людей ворвалась в дискотеку „Уайатт". Речь идет, цитирую, о членах клуба, собирающихся в тире на улице Гренелль. Телохранители Харрисона Форда, уже подогретые стычкой с демонстрантами, открыли огонь, чтобы защитить актера. Харрисон Форд объявил себя жертвой преследований со стороны журналиста, готового на все, чтобы получить незапланированное интервью. Похоже, что после объяснений между противоборствующими сторонами соглашение достигнуто. Посетители клуба, телохранители, демонстранты, члены клуба-тира направляются сейчас к месту, где находится радиостанция… 99.1… чтобы…»

Ужасающая пустота – и в эфире, и в голове. Я представил себе Бержерона, прилипшего к приемнику, и попытался задержаться на этом образе как можно дольше, только чтобы не думать об остальном. Бернар, в состоянии близком к моему, собрал остатки энергии и дочитал:

«Франс-пресс уточняет, что, согласно телеграмме, полученной из Сан-Лоренцо, Хосе Фаменнес будет казнен завтра утром».

В эту секунду до нас донесся гул толпы, сначала легкий шум, потом он начал нарастать, превратившись в зловещий рокот. Когда лестница задрожала, Бернар проявил небывалую расторопность, чтобы закрыть бронированную дверь студии. Задержит их минут на пять. Я выскочил на черную лестницу, попал в пустой дворик, оттуда на соседнюю улицу. Вдалеке я увидел, как толпа во главе с Батистом исчезает в здании. Человек рядом с ним бранился по-английски, вызывая в памяти незабываемые сцены из «Звездных войн». Больше часа я бегал по улицам, не зная, куда податься. От моей квартиры наверняка остались одни руины, мои друзья получили приказ стрелять на поражение, и я представил себе, как весь Париж бросился на поиски одного-единственного человека. До трех утра я бродил по улицам, весь в слезах, шарахаясь от каждого куста. Мне хотелось схорониться в четырех стенах, пока не кончится охота. В забытом богом углу я нашел убогий, уродливый отель.

Я сижу на грязной кровати. В полной тишине я созерцаю клочья обоев и разрисованный потолок. Я умылся, в раковине вокруг заплесневевшей пробки возятся тараканы. Вдруг за дверью слышится шум, это они, они меня нашли, пришли по мою душу, я всегда это знал, я готов. Страх снова скрутил мне внутренности, я всхлипываю совсем по-детски, но быстро беру себя в руки, мне стыдно за свой страх. Однако шум негромкий. Странный звук, похожий на приглушенные удары. Он медленно затихает. Я глубоко вздыхаю и пытаюсь успокоиться. Ложусь на кровать. Перед закрытыми глазами, сменяя друг друга, проносятся разные картинки. Я где-то далеко, в незнакомой стране, там, где жара и бедность подчиняют себе улицы и людей.

Я вижу.

Я вижу человека. Серые скулы, покорный взгляд, сидит на земле рядом с щербатым унитазом, колени прижаты к груди. Его жесты слишком медленны. Он тощ как скелет. Борода закрывает пол-лица. Сколько бы он ни жил, его глаза никогда больше не засмеются. По коридору грохочут сапоги, он прислушивается. Они проходят ровно двадцать один раз в день. Он может даже определять по ним время. Каждый раз сапоги делают сорок или сорок пять шагов. Слышится звяканье ключей, открывается несколько замков, каждый раз разные. Сегодня шаги удаляются, он вздыхает с облегчением. Он молча ждет, когда кто-нибудь

придет и откроет эту дверь раз и навсегда. Иногда он молится о том, чтобы это наконец случилось. Он ждет уже так давно, что почти забыл, что здесь делает. Он не бросил бомбу в королевский дворец, не поднял восстание. Он только сказал «нет», когда все говорили «да». Это была не смелость, просто так было нужно, вот и все. И вот он оказался здесь. Тысячи, может быть, миллионы людей за океаном узнают об этом. Но он больше на них не рассчитывал.

Я хотел заснуть, чтобы избавиться от взгляда этого человека. Полные грусти глаза будут сниться мне до конца дней. Среди ночи я почувствовал, насколько мы с ним близки. Настолько близки, что мне показалось, что я слышу, как он плачет.

Открыв глаза, я вернулся в свою убогую комнату и понял, что кто-то действительно плачет, настоящими слезами, в нескольких метрах от меня. Я постучал по перегородке, но никто не отозвался.

Хныканье, жалобы, плач…

Эта печаль показалась мне неуместной, нелепой, преувеличенной, просто смешной по сравнению со всеми страданиями мира. В любом случае меня это не касалось, я ничем не мог ему помочь. Никак.

А секундой позже мне пришла в голову совершенно противоположная мысль. Я подумал о том, что не бывает напрасных стараний, что даже самое малое усилие может подтолкнуть судьбу и вернуть надежду. Я постучался в соседнюю комнату, и снова никто мне не ответил. Заскрипел стол. Я открыл дверь.

Ему было не больше двадцати пяти. Стоя на столе, он причудливо изогнулся, чтобы не стукнуться головой о потолок. Жалко было видеть, как он барахтался, пытаясь обернуть веревку вокруг шеи, не переставая плакать.

– Вы собираетесь повеситься на этой лампочке? Такой большой мальчик?

Ему было стыдно, что его застукали, и он зарыдал еще пуще.

– Каковы бы ни были ваши страдания, потом вы пожалеете, что отбили себе задницу.

Через несколько минут он уже сидел на кровати, я – на стуле, напротив него. Я думал, что самое трудное уже позади. Он начал свой рассказ – на блестящем французском, но с легким испанским акцентом.

– У меня был очень тяжелый день, – сказал он.

– Ах вот как…

– Моя жизнь загублена. Мой отец извел меня, чтобы я вернулся домой, а об этом не может быть и речи. Хотя отец при смерти, он все еще богат и могущественен. Он на все способен, только бы я вернулся. Он послал меня сюда учиться, а теперь я не смогу жить нигде больше.

Я встретил девушку. Он и слышать об этом не хочет, говорит, что у меня есть определенные обязательства, что он устроит мне королевскую свадьбу с женщиной из нашей страны. Я хочу умереть!

– Я уверен, что, если вы с ним поговорите, он все поймет. Наверняка он не такой плохой человек. Вы не можете так поступить, особенно раз он умирает.

– Поймет? Он? Да вы просто не представляете себе, что это за чудовище! Он тиран! Настоящий!

– Боюсь, вы несколько преувеличиваете.

– Да поймите же! Он послал своих подручных отыскать меня, поэтому-то я и прячусь в этом мерзком отелишке! Но они все равно меня найдут!

– Послушайте, вы сейчас несколько взвинченны, у вас паранойя, это естественно. Но завтра утром все будет лучше.

– Завтра утром я буду у них в руках, а меньше чем через неделю я буду главой разваливающейся страны.

– Неужели у вашего отца такая власть? Он что, промышленник?

– Это тиран, клянусь вам! Он заставил народ избрать себя президентом пожизненно, установил там диктатуру, а теперь хочет, чтобы я стал его наследником.

– Где?

– Такой островок на юге Карибского моря, вы наверняка не знаете, называется Сан-Лоренцо.

Как только он произнес это, мне захотелось вернуться в свою комнату, чтобы кинуться на кровать и прорыдать остаток ночи.

– Вы выбрали это богом забытое место случайно или чтобы добить меня?

– Хотите, чтобы я показал вам свои документы? Визу? Мой герб?

Я попытался сосредоточиться, это отняло дикое количество времени и потребовало в такое время невероятных усилий.

– Как вас зовут?

– Эрнесто.

– Так вот что, Эрнесто, может, это покажется вам странным, но я, кажется, придумал.

– Вряд ли, моя жизнь кончена.

– Вы слышали о Хосе Фаменнесе?

– Никогда в жизни.

– А о после Сан-Лоренцо во Франции?

– Его я знаю, он записал меня в Национальную административную школу, мне не пришлось сдавать экзамены.

– Отлично. Меньше чем через час он вылетает в Сан-Лоренцо и вы вместе с ним. Вы станете национальным героем. Но лучше я вам все объясню в такси, нам дорога каждая минута.

Недоросль из Сан-Лоренцо, хитрюга – хотя по виду не скажешь, – сразу понял мой план. Он поспешит к одру своего отца и потребует помилования Хосе Фаменнеса в обмен на обещание стать во главе страны. За сорок восемь часов Эрнесто восстановит демократию и право голоса; через месяц его изберут единогласно, и он женится на своей француженке, которая мечтает лишь о том, какой цвет скатерти следует подобрать к официальному приему. И только одно необходимое условие – чтобы такси приехало до отлета посла. Полусонный шофер не догадывался, что выполняет историческую миссию.

– Надеюсь, вы окажете мне честь, Алан, и примете мое приглашение посетить Сан-Лоренцо?

Я уже собирался цветисто его поблагодарить, когда шофер привычным жестом включил радио. На небе ни облачка, и я чувствовал, что этот день будет прекрасен для всех жителей Земли.

– Как нам только что сообщили, Хосе Фаменнес казнен в тюрьме Сан-Лоренцо, где его держали последние три года. Посол был…

Я попросил шофера выключить радио и остановиться.

Жизнь никогда не сведет меня с героем вроде Хосе Фаменнеса. Единственного, который бы не отказался от интервью. Что тут поделаешь, некоторые встречи в этом мире не случаются никогда.

17 июля 1994 года, между 10 и 11 часами вечера

Вот вы помните, что вы делали 17 июля 1994 года между 10 и 11 часами вечера? Нет? Вот и я не помню. Никто не помнит.

– Мне понадобились годы, чтобы добраться до тебя, и то потому, что у – меня бездна терпения. Но и его у меня осталось только на одну ночь, так что я не выйду из кабинета, пока ты не подпишешь показания!

Не стоит повышать голос, инспектор. Это, конечно, ваше право и ваши методы, я знаю, но это мешает мне думать. Вы так гавкаете, как, по-вашему, я могу рыться в памяти? Только виновный помнит, что он делал 17 июля 1994 года между 10 и 11 часами вечера. Невиновный уже давно об этом забыл. Особенно если его так усердно допрашивать.

– Времени хватит, ты у нас заговоришь. Если вечером 17 июля 1994 года я кого-то убил, я бы об этом помнил. Такие вещи не забываются. 17 июля 1994 года между 10 и 11 часами вечера я никого не убивал. Юридические ошибки давно отошли в область преданий. Полицейские стыдятся их. Невиновные вроде меня считают, что полиция в своем развитии ушла далеко вперед. Как и медицина. В наше время, когда врачи исцеляют двух больных раком из трех, граждане имеют право надеяться, что полиция может определить двух невиновных среди трех подозреваемых. Проблема в том, что в настоящее время есть единственный подозреваемый, и это я. Я не помню, что делал 17 июля 1994 года между 10 и 11 часами вечера.

– У меня, знаешь ли, за дверью свеженькие коллеги, они готовы принять смену.

Я забыл 1994 год. Было ли тогда лето? Я не помню никакой удушающей ночной жары. Ни счастья ледяной воды, ни девушек в коротких юбках. Нельзя посадить меня в тюрьму только за то, что я не помню того лета. Каким я тогда был? Немного странным человеком, ожидающим будущего, скучающим пассажиром в поезде своей собственной жизни. Я не мог сделать ничего особенного в тот день между 10 и 11 часами вечера: я ведь скорее «жаворонок». Вечером я совершенно не в форме, я клюю носом. Не стоит на меня рассчитывать, я забываю обо всем на свете. А вы хотите, чтобы я был таким живчиком, чтобы убить кого-то. Инспектор, как вы себе представляете, что будет, если я заявлю вам: «17 июля 1994 года между 10 и 11 часами вечера я клевал носом»? Я клевал носом однажды вечером тем зябким летом бессмысленного года. Вы будете разочарованы. Я очень стараюсь. Я не пытаюсь тянуть время. Я сосредоточенно вспоминаю, хотя этого, может, и не видно. Многие хотели бы знать, что они делали в это *время.* Как часть жизни, которая вдруг всплыла на поверхность. Хватило бы ничтожной детальки, чтобы я вспомнил весь блок «время / место».

– Мы знаем, что в то время ты был в Париже.

Да, думаю, я был в Париже. Я люблю смотреть парад 14 июля на Елисейских полях. Туда я всегда хожу один. Так что, несмотря на тысячи свидетелей, я не смогу доказать, что 14-го был на Елисейских полях. Как я могу доказать, что через три дня не убил никого на каком-то пустыре? Хотел бы я посмотреть на того, кто может признаться, что он делал в *то время.* Вы сами, инспектор, что делали? Не можете сказать? Может быть, это вы убили того человека? Потому-то и набросились на меня с таким рвением. Во всяком случае, вам бы не хотелось, чтобы все знали, что вы делали в *это время.* Может, что-нибудь подозрительное? Или что-нибудь постыдное – это ведь еще хуже? То, что вы говорили в *то время,* было честно? Вне подозрений? За час вполне можно совершить низость. Шестьдесят минут… та же вечность. Когда знаешь, что влюбиться можно за восемь или десять секунд. Когда моргнуть не успел, а пуля уже пробила сердце, которое так хорошо стучало все эти сорок лет. Уже четыре часа я сижу в этом кабинете, глядя на носки, потому что ужасно боюсь встретиться с вами глазами, инспектор. Для меня эти четыре часа потеряны, но я их не забуду.

– Молчание никогда не было хорошей системой защиты. Если ты отрицаешь факты, скажи мне хотя бы, где ты был в тот вечер.

Неужели в школе полиции вас не учили, что не на каждое мгновение жизни есть алиби? Чтобы доказать вам, что *тот час* не был отмечен ничем необычным, я должен бы был рассказать вам о всех остальных часах моей жизни, но у вас нет ни терпения психиатра, ни любопытства друга. Я бы начал с самого начала, с тех давних пор, когда я еще верил, что мечты – это хорошо, а не плохо. Сделав усилие, я мог бы припомнить несколько приятных моментов из прожитой жизни. Поэты говорят, что только хорошее и остается в памяти, остальное забывается. Они оптимисты, эти поэты… В конце концов они, может быть, и правы. Вместо того чтобы терять немыслимое количество времени, чтобы обрести *тот час,* потерянный навсегда в недрах моей собственной истории. Мне было бы гораздо приятнее вновь подумать о двух-трех часах моей жизни, ради которых стоило жить.

…Пик дю Мэль, яркое солнце. Колени расцарапаны, но я дошел первым…

…Жанна, растянувшись на клетчатой скатерти, позирует перед объективом…

…Я открываю «Коробку с сюрпризом» моего отца, через много лет после его смерти…

Скоро рассветет, мне не хватит времени рассказать все это. Грустную историю человека, для которого один час похож на другой.

– Ври, если хочешь! Соври, черт возьми, только скажи что-нибудь!

Если вам так этого хочется, то почему нет? Может, 17 июля был самый потрясающий день 1994 года. Может, между 10 и 11 часами вечера я пережил чудесные мгновения. Отличное алиби! Чем заткнуть рот инспектору, который хочет видеть во мне виновного.

Этим знаменательным вечером, 17 июня 1994 года, посреди прекрасной эспланады Трокадеро я нарисовал мелом «Пьету» головокружительной красоты, она несла надежду всем отчаявшимся и разочарованным. Я занимался любовью с потрясающей, не слишком пугливой девушкой в городском саду. У меня состоялся интереснейший разговор с самоубийцей, сидящим на парапете моста Понт-Неф. И не важно, что моя «Пьета» исчезла с первым ливнем, что та женщина растворилась в ночи после двух часов экстаза, что отчаявшийся все же бросился в реку. Все трое могли бы подтвердить мою невиновность.

Вы никогда не переживали ничего похожего, инспектор? Я тоже. *Тот час* не был трубным гласом моего грустного существования, ни даже небольшим пиком в моей ровнехонькой повседневности. И именно потому что он забыт, этот час стал самым важным в моей жизни. Жестокий парадокс, вы не находите?

– Скажи, где ты взял револьвер? Револьвер? Я? Я не способен найти скрепки в магазине канцтоваров. 15 июля 1994 года между 5 и 6 часами утра я не сидел в омерзительном баре в самом грязном конце города в ожидании типа, который бы продал мне револьвер. Я бы просто не знал, как себя вести. Отыскать револьвер должно быть так же сложно, как и пользоваться им. Я никогда раньше об этом не думал, но если бы я убил кого-нибудь, я бы действовал как-нибудь иначе. Как-нибудь более *естественно.* Я парень из деревни. Там, где сворачивают шеи, там, где пускают кровь, там, где колотят, там, где топят. Никаких револьверов, нет, подобные вещи из другого мира, не из моего.

– Раз ты ничего не хочешь говорить об алиби, поговорим о мотиве. Что этот тип тебе сделал?

Я не убивал этого человека. В конце концов, может, он того заслужил, раз кто-то решился начинить ему брюхо свинцом. И если я схлопочу все двадцать лет, то проведу время, жалея о том, что ни в чем не виновен, что никого не убил в тот вечер между 10 и 11 часами вечера. И остаток своих дней я проведу в неведении, так и не узнав, что же произошло 15 июля 1994 года.

– Да говори же ты, черт подери! Все указывает на тебя!

Да нет же, инспектор. Те, кому нечего скрывать, всегда похожи на заговорщиков. Если бы я убил того типа, сегодня я был бы другим. Я был бы среди парий, отчаянных голов. В их рядах мне наверняка нашлось бы местечко. Я бы заслужил свои нашивки за совершенные гнусности. Возможно, я бы постарел от ужаса. И тогда бы, да, я бы понял, почему вы на меня набросились.

Первые лучи солнца коснулись моих век. Инспектор вышел из комнаты. Все снова мешается. Наверное, оттого, что хочется спать.

Я закрываю глаза.

Может быть, я сяду в тюрьму на следующие двадцать лет, если я не вспомню *тот час.*

И у меня будет время подумать.

Перемотка

У меня жена, двое детей и видеомагнитофон.

Упомянул я об этом агрегате только потому, что с некоторых пор он стал членом нашей семьи. Ценой общих усилий, общих жертв. Я давал больше частных уроков, Софи продала что-то из своих шмоток, старшая дочь отказалась от поездки в Лондон, а младший сын поставил крест на кроссовках. Все хотели магнитофон, и получилось так, что он стал общим приобретением. Все вместе мы обсуждали модель, внешний вид и все функции, которые могли бы нам понадобиться. Видели бы вы нас всех вчетвером, когда мы яростно спорили о сравнительных достоинствах той или иной марки. Мы вкладывали в это столько пыла, страсти, убежденности, прибегали к уловкам, но даже при том, что каждый хотел отстоять свою точку зрения, никогда ни один из нас не покушался на общее достояние. Если был смысл в слове «семья», то наша обязана им этому нехитрому изобретению.

И наконец в один прекрасный день мы отправились покупать его у какого-то дальнего родственника Софи, который держит единственную в деревне лавку HiFi-видео. Бернар сделал нам скидку на триста франков, это меня вполне устроило. Не то чтобы мы были с ним особенно близки, к тому же мысль о том, что я буду ему чем-то обязан, выводила меня из себя. Если бы дело касалось только меня, я бы доехал до районного коммерческого центра, но в нашей дыре, где все в курсе, когда вы покупаете пачку презервативов, этот самый кузен объявил бы мне войну, которую вели бы и будущие поколения. В тот вечер, возбужденные, торжественные, готовые бодрствовать до рассвета, вооружившись мороженым, попкорном и горой подушек, украшавших нашу гостиную, мы устроили киновечер. Паоло одолжил «Терминатор-2», Натали остановила свой выбор на «Безуспешных поисках Сюзанны», мы с Софи хотели пересмотреть «Лауреата», чтобы дети могли ознакомиться с киноклассикой. К концу той ночи я осознал, насколько я горд теми, кто меня окружает. Та ночь осталась в моей памяти редким мгновением близости и согласия. Дети открыли для меня мир, о существовании которого я и не подозревал, а вопросы, которые они задавали по поводу «Лауреата», заставили говорить о вещах, которые мы никогда до этого не обсуждали. Я объясняю все это, чтобы вы поняли, что в течение почти года видеомагнитофон задавал постоянный ритм нашей жизни, о котором раньше никто и подумать не мог.

Никто не мог также предположить, что в один прекрасный день кассета застрянет в аппарате и упрямо не захочет вылезать обратно. Мы так активно его эксплуатировали, что рано или поздно это должно было случиться.

– Ничего страшного, дорогой, достаточно отвезти его Бернару, у нас гарантия еще на три недели.

– Я поеду завтра.

– Только обязательно завтра, а то дети нервничают…

Но я не поехал ни завтра. Ни послезавтра.

– Папа, ты же обещал!

– Дорогой, ты воспринимаешь это как тяжкую повинность, поэтому естественно, что ты об этом забыл.

Нет, Софи, это недостаток не памяти, а смелости.

– Папа, мне обязательно нужно посмотреть кассету с «Гамлетом», которую мне дала учительница английского, у меня контрольная через неделю!

– Не понимаю, зачем тебе смотреть этот фильм? Разве в наше время у нас были кассеты, чтобы изучать Шекспира? Нет. Мы читали книги, как все люди на протяжении долгих лет!

– Ну не сердись…

– Натали надо записать то, что идет по телевизору, пока она в школе. А я уже пропустила три серии «Лина – цветок Бахии».

– Черт подери, да съезжу я завтра!

Вместо этого я битый час в сотый раз теребил аппарат, пытаясь достать кассету вилкой. Чудовищная глупость, заранее обреченная на неудачу. Мне кажется, я даже расплакался перед кнопкой eject. Такого со мной не случалось со смерти отца. И это сделало стену одиночества, окружавшую меня, еще выше. Вечером – ледяное молчание домашних. И взгляды украдкой.

– Дорогой… Я могу сама съездить, если у тебя нет времени, он не такой уж тяжелый, я прекрасно понимаю, что ты не хочешь встречаться с Бернаром, но я с ним поговорила, и он даже предложил заехать…

– Никогда, слышишь, НИКОГДА! Черт возьми, я сам все улажу, понятно?

Первый раз в жизни я повысил голос на женщину, которую люблю. Это было худшее из оскорблений. Софи вышла из-за стола, белая как мел, а в глазах детей я увидел себя палачом. Страх и несправедливость поселились в нашем доме.

У нас с Софи все было прекрасно, пока этот чертов видеомагнитофон не сломался. Когда я говорю «все», я имею в виду и наши ночи. Наши полные нежности, жара и ласок ночи. Потому что даже здесь магнитофон сыграл роль, о которой никто не догадывался. Даже моя супруга, которая не подозревала о причинах моей невиданной доселе пылкости. Да и как она могла догадаться, что в то время, когда вся семья уже мирно спала, я в одиночестве смотрел фильмы с такими вызывающими названиями, как «Вставь мне везде» или «Кларисса – дитя порока». Надев наушники, с пультом в руке, я обжирался непристойностями без малейшего стыда, но с некоторой опаской быть застигнутым врасплох, как школьник, что рассматривает «Пентхауз» без ведома кассирши. После доброго получаса порнушки я подбирался к своей спящей красавице и более или менее талантливо пытался изобразить все те безумства, которые все еще стояли у меня перед глазами. Я рисковал. Она позволяла захватить себя. Мы не знали, что второе дыхание нашей любви пришло именно *оттуда.* Я пытался понять, что с нами происходит. И это называлось счастьем.

Пока «Течка шлюх» не застряла в магнитофоне.

Можете себе представить ужасные последствия, к которым это могло привести? Сценарий без всяких неожиданностей, сценарий, каких сотни: изумление Бернара, сплетни его жены, слухи, расползающиеся по деревне, стыд моей семьи, растерянность Софи и так далее до самого эпилога, который я не смею даже вообразить. И хотя половина деревни занималась тем же самым, я стану идеальным извращенцем, совершившим одну-единственную ошибку: я сделал свои фантазии публичным достоянием. Чтобы этого избежать, я все перепробовал. Я пригласил приятеля – мастера на все руки, но, к несчастью, он не смог ничего сделать. Я умолял техника из городка, но ему требовалось слишком много времени. Я даже попытался собрать денег, чтобы купить новый, и заставить всех поверить в

чудесное выздоровление, но мне это не удалось. Все эти уловки лишь отдаляли час расплаты и усугубляли презрение самых дорогих мне людей.

Пока я не додумался выпустить на волю дремавшего во мне преступника, чтобы выбраться из этого дерьма.

В 19.30 этого прекрасного июньского воскресенья я решил, что кошмар закончился. Днем события развивались как в классическом детективе, и признаюсь, я пережил одно из самых сильных ощущений. Мы думаем, что знаем себя, мы считаем, что наши границы давно определены раз и навсегда, и вот однажды утром мы замечаем в себе черты жулика и понимаем, что мошенничество – наше истинное призвание. После этого ничего уже не будет как прежде.

В 12.30 я погрузил всю семью в машину. Пятьюдесятью минутами позже мы расположились на пикник на опушке леса. В 15.25 я взял удочку и пошел по тропинке, ведущей на берег реки, тогда как прочие члены моей семьи решили взобраться на холм. В 15.35 я сел в машину и мне хватило сорока минут, чтобы вернуться в деревню. Я перелез через кладбищенскую ограду, прошел заброшенное гумно, забрался в свой собственный сад и около 16.20 высадил окно веранды. В течение следующих одиннадцати минут я с наслаждением громил свой собственный дом. Я воспользовался предоставившейся возможностью, чтобы уничтожить все эти дурацкие безделушки, которыми Софи заполонила наше жилище, не забывая, однако, о главной цели – причине всех моих страхов, – об этом чертовом видеомагнитофоне. Я сам удивился, насколько спонтанными оказались жесты, которых – увы! – мне не доведется никогда больше повторить: натянул перчатки, чтобы разбить ужасную вазу, которая стояла у нас всю жизнь, вспрыгнул на журнальный столик, на который Софи мне всегда запрещала класть ноги, пошарил в ящиках детей, куда они не позволяли мне даже заглядывать. В 16.40 я проделал обратный путь, выкинув по дороге на свалку все, что мне удалось украсть. В 17.05 Софи с детьми пришли меня проведать на берег реки. Нет, папа не поймал рыбку. Да, папа – никудышный рыбак. Если бы вы только знали, милые мои, какой ваш папаша преступник. Бандит. Нет, вы никогда об этом не узнаете.

Вернувшись домой, я обнаружил, что мои бандитские таланты и в подметки не годятся талантам актерским. С редкой убедительностью я разыграл сцену возмущенного отца семейства. Я произнес тираду о несправедливости и обыкновенной глупости и утешал Софи, которую мучил один-единственный вопрос:

– Но почему они взяли кашпо из венецианского стекла?

– Дорогая, это профессионалы, они знают цену красивым вещам.

– Тогда зачем им морской пейзаж, который моя мама нарисовала нам к Рождеству?

– И почему они не взяли телевизор? – спросила Натали.

Полицейские зафиксировали кражу со взломом, но не слишком нас обнадежили.

– Вам не повезло, это были профессионалы. Сейчас они наверняка уже далеко отсюда. За видеомагнитофон вы получите страховку, но остальное…

– Это в основном милые сердцу мелочи, – смирившись, ответила Софи.

Мы стали потихоньку приводить дом в порядок – веник, совок, пылесос, – и мало-помалу, так, что никто даже не заметил, свершилось чудо. Натали успокаивала нас, Паоло веселился и безобразничал, Софи уже подумывала накупить новых безделушек, а я чувствовал, что в моем доме что-то возрождается. Счастье вернулось к нам.

– Папа, там во дворе какой-то странный мужик…

Нет. Это не счастье вернулось к нам, я бы даже сказал наоборот: перепачканный мужик припарковал свой грузовичок прямо перед нашим домом.

– Кайюа, это вы? Меня зовут Ирене, я торгую подержанными вещами. Часа два назад я рылся на свалке в Пти Валь и наткнулся на гору вещей! И среди них – практически новый

видеомагнитофон! А на нем адрес продавца, и он мне сказал, как вас найти. Так что считайте, что вам повезло!

Надо же было такому случиться, что единственный раз в жизни, когда я решил разыграть бандита, судьба свела меня с последним честным человеком. Я не пытался понять, есть ли в этом своя логика, философия и статистика уже все сказали на тему случая и необходимости. Мне пришлось улыбнуться, когда Софи предложила этому сукину сыну зайти пропустить стаканчик.

– А что, ваш видеомагнитофон сломан?

– Нет-нет, с ним все в порядке.

– Да нет же, в нем застряла кассета.

– А я сказал, что нет!

– Но, дорогой, может быть, господин Ирене в этом разбирается.

– Завтра же я отвезу его к Бернару, – не нашел я ничего лучшего в ответ. Софи, Натали и Паоло посмотрели на меня так, что я понял – никогда в жизни я больше не произнесу эту фразу. Паоло вручил отвертку этому оборванцу, который за две секунды преуспел там, где все остальные потерпели фиаско. Все закричали от радости, когда машина заработала, и я не успел остановить кассету. Сейчас вы увидите похотливых баб, сводящих папу с ума. Вы наконец поймете причину всех его уверток. Да, папа любит смотреть по ночам всякую мерзость. Иногда он пересматривает некоторые сцены в замедленном режиме и даже нажимает на паузу, когда на экране появляется задница блондинки, это его дико возбуждает. Папа ваш не лучше других.

Первые кадры были абсолютно невинными – женщина, одетая горничной, входит в спальню с подносом в руках. Отсрочка будет недолгой, я полагаю, барышня принесла завтрак молодым людям, жаждущим разврата. Она входит в комнату и…

Ко всеобщему изумлению, Софи вытащила кассету.

– Эта злосчастная кассета – причина всех наших бед. Я предлагаю выбросить ее и забыть все наши злоключения.

На секунду наши взгляды встретились, и я понял, что она знает все о моих постыдных поступках, моей низости и мерзости. Она читала мои мысли, как раскрытую книгу, и я ничего не мог от нее утаить. И потому ее прощение было таким великодушным. И тогда я понял, что она исключительная женщина и что ее снисхождения я не заслуживаю. Как я смогу забыть любовь и терпение, которыми был продиктован ее благородный поступок?

И много лет спустя я иногда вспоминаю ту историю. Больше ничто не нарушало нашу идиллию. Даже слегка развязный молодой человек, который пялился на Софи вчера утром на парковке у супермаркета.

– Это же… это же Памела Квинс! Вы ведь Памела Квинс, вы играли в «Девственнице и развратнице» и в «Течке шлюх»?

Для счастья нужно совсем немного. Чуть-чуть снисходительности и две-три кассеты на выходные.

Однажды летом домосед…

Левой рукой я перебираю мелкий песок, правой встряхиваю стакан, так, чтобы позвякивали кубики льда в коктейле. На секунду снимаю темные очки, чтобы вытереть несколько капель пота, застилающих глаза. Посмотрев на свои ноги невооруженным глазом, я замечаю, что они немного подпеклись ровно до колен. Через несколько дней станет совсем некрасиво, придется снять бермуды. Анна, моя нимфа, растянувшаяся на шезлонге, усмехается, глядя на меня. Я смотрю на набегающие волны. Легкий ветерок то и дело шевелит волосы, а запах крема для загара навевает воспоминания.

Я познакомился с Анной семь лет назад. На пляже в Лос-Анджелесе. Я мечтал о высокой американке, какой-нибудь Карле или Барбаре. Сам того не зная, попался на удочку невысокой француженки по имени Анна.

Она вышла из воды и растянулась под навесом. Там ее ждал пеньюар и бокал шампанского. Из сумочки она вытащила стодолларовую купюру и сунула ее в карман официанту. И он замер, на раскаленном солнце, на почтительном расстоянии, готовый появиться по первому требованию. С тех пор как я начал заниматься фотографией, я видел десятки девушек подобного калибра, но никогда не заговаривал с ними. Сегодня у меня было в запасе три часа, до того как вернуться к своим фотоаппаратам.

– Отпуск?

Она даже не потрудилась посмотреть на меня. И ей понадобилось чертовски много времени, чтобы уронить:

– Нет.

– Прекрасно, у меня тоже работа. Вы не поделитесь шампанским?

Ну наконец-то она повернула голову, чтобы взглянуть, на что я похож.

– У вас сгорят ноги. Если хотите, я могу намазать их кремом. Впрочем, у вас такие длинные ноги, что это займет не один час, так что лучше начать прямо сейчас.

Она рассмеялась. Я подумал, что она велела официанту плеснуть мне шампанского. Вместо этого убежденный в своей правоте официант просто двинул мне в челюсть. Прямо здесь, у нее на глазах, под обжигающим солнцем. До такой степени потерять чутье! Этот парень был слишком накачанным, чтобы служить простым официантом. Обычно я за версту чую телохранителей, и это не раз спасало мне жизнь *(надо думать, что эта гадюка меня уже тогда загипнотизировала!).*

Я вернулся в отель – челюсть горела, фаланги пальцев правой руки вывихнуты, а на груди царапины. Кроме унижения, ничего по-настоящему болезненного. Когда стемнело, я устроился на гигантском экзотическом платане *(в то время я был таким же специалистом по деревьям, как и по телохранителям, можно сказать, что я проводил время, прячась на одних, чтобы ускользнуть от других).* В тот вечер залезть на дерево было труднее, чем, обычно – последствия взбучки, – и, цепляясь за ветку, я едва не заорал от боли. Отдышавшись, я прикрутил широкоугольник под приятную музычку, долетавшую с виллы.

Я навел резкость на бассейн, где среди кучки плейбоев резвились две прелестницы. Появился Эдвин, хозяин дома, уже без бабочки, но в безупречном смокинге. Зная, что не сохраню ни одного, я все же сделал несколько снимков, пока они еще были свеженькими. Боль в пальцах давала о себе знать каждый раз, когда я нажимал на спуск. Но в общем все шло неплохо. Отличная техника, бесшабашность каскадера, нюх ищейки и полное отсутствие угрызений совести – я был создан для подобной работы. И вкладывал в нее всю душу. Без этого ничего не получится, даже если занимаешься всякой мерзостью. *(Все это давно в прошлом, того парня больше нет: я хромаю, руки дрожат, но мне приятно вспомнить о том, каким я был.)* Почему этот гнусный Шале, мой патрон, платил мне так много? Потому что я был единственным в своем роде, было у меня нечто, чудовищно раздражавшее моих коллег: невероятное везение. Это врожденное. Как дар, с самого рождения. Я умел выбрать правильный ракурс, и все нужные люди слетались ко мне в кадр, как бабочки на свет. И я всегда ощущал присутствие своего ангела-хранителя, такого же циника, как и я сам. *(Тогда это было еще так, но через несколько лет я стал самым невезучим человеком в мире.)* Когда я поймал в объектив начинающуюся групповуху, я понял, почему так дорого плачу своим осведомителям.

В половине первого ночи все еще не случилось ничего, заслуживающего внимания, – праздник, шампанское, несколько известных личностей соизволили наконец появиться. В два двадцать на втором этаже страсти накалились – какой-то парень накинулся на итальянскую

актрисульку. *(Как подумаю, что в то время она разыгрывала перед прессой эдакую воплощенную невинность… Сейчас она разводится во второй раз и ее последний фильм называется «Докторша в пансионате».)* Внизу пьяные наяды окатывали брызгами гостей, те решили отомстить. Один из них скинул одежду, решив порезвиться в бассейне. В четыре часа утра – наконец-то полное вырождение. Дебош под открытым небом. Компенсация за столько часов бессмысленного сидения на этом дурацком дереве. Я едва успел заменить пленку, когда появилось что-то новенькое. Настоящий шок – я узнал ее. Эдвин заставил ее распустить длинные каштановые волосы, и в видоискателе я увидел ее улыбку, очаровавшую меня сегодня на пляже.

– Что это за девушка, вон, с каштановыми длинными волосами, улыбается?

К Шале я испытывал профессиональное уважение, несмотря на его ухмылки и скептический взгляд, когда он с лупой разглядывал контрольки. Я уже знал, что лучшие фотографии он опубликует на первой полосе, а те, что похуже, сохранит для своей коллекции. Мне было приятно общаться с человеком, который пал еще ниже, чем я.

– Оставь, ее никто не знает, какая-нибудь шлюха.

– Жаль, с такой-то задницей.

Когда он произнес это, я снова засомневался. Но ведь в конце концов это из-за нее мне задали трепку – ребра до сих пор ныли. Неужели это не заслуживало небольшой мести?

На следующей неделе на третьей полосе газеты появилась фотография. Картинка получилась немного размытой, но, несмотря на это, в центре явственно выделялся точеный профиль и впечатляющий бюст. Хоть никто и не знал, кому они принадлежат, тираж подскочил.

Этот профиль я снова увидел только два года спустя на яхте, пришвартованной у берегов Канн. Я готовился к этому мероприятию целый месяц, а все благодаря моему осведомителю Этьену. Парень знал об увеселениях магнатов побережья больше, чем полиция нравов. Ему даже удалось сделать так, чтобы нас наняли официантами для праздника, запланированного на борту. Серж Муассак, промышленный магнат и «шестое состояние Франции», организовал грандиозный прием, чтобы отметить покупку парижского еженедельника. Я занялся своим настоящим делом только в три часа ночи, когда уже никто на этом корыте не заботился о том, чтобы сохранить лицо перед официантами, которые убирали со столов. Муассак удалился в кабинет, где насыпал избранным гостям дорожки порошка длиною в руку. Анна постриглась. Странно, я узнал ее только через видоискатель. Прижавшись носом с другой стороны иллюминатора, я спросил у Этьена, знакомо ли ему это лицо.

– Еще бы! Роскошная штучка, девушка по вызову международного масштаба, школа мадам Клод, из тех, что все может сделать ртом, а еще напеть Малера и порассуждать о «Пире» Платона на трех языках.

Я и не надеялся ее больше увидеть, а она неожиданно появилась в моей жизни, да так, что я не слишком удивился. Я не верил в случайности, а только в логику этого замкнутого мирка.

Остальное произошло очень быстро. Муассак и компания засекли меня. Этьен успел среагировать и бросился к мосткам, пока я возился с аппаратом. Дорогу мне преградила пара горилл – я не сумел убежать. Они схватили пленку и швырнули аппарат за борт. Анна предпочла выйти из кабины, когда меня начали бить и из носа потекла кровь. Я прохрипел ей вслед:

– Обычно вам нравится смотреть, как меня унижают.

Она на секунду обернулась, не понимая.

* * *

Этьен всю ночь гнал машину до Парижа.

– Она у тебя? Скажи мне только, что она у тебя.

– У меня, у меня, успокойся.

До того, как меня начали бить, я успел перекинуть ему нужную пленку, пока он бежал по набережной. *(Настоящее регби, ох, как вспомню об этом… Мне нравилась такая жизнь, мне нравилась опасность, акробатические трюки. Сегодня мне этого не хватает.)* У Муассака осталась пленка, сделанная на дне рождения моего племянника.

Увидев мою разбитую морду, Шале так смеялся, что пришлось попросить у него вдвое больше обычного. Я не думал, что у него хватит смелости опубликовать фотографии Муассака, накачанного под завязку. *(Позже* я *понял, что Шале посылал меня на задания не только для того, чтобы опубликовывать в своей бульварной газетенке скандальные снимки. Этот подонок собирал свой собственный архив, который давал ему возможность давить на определенных людей. Муассак рано или поздно узнает это на собственном опыте.)* В конце концов это его проблемы. Я вспоминал лицо Анны, как она посмотрела на меня, когда меня били, и от этого мне стало в сто раз хуже, чем от физической боли.

Крики чаек начинают меня утомлять. Я включаю радио погромче. Анна не произносит ни слова, елозит на шезлонге, пытаясь устроиться поудобнее.

Через день ко мне постучали. Никто не заглядывал без предупреждения ко мне в берлогу – в маленький домик в Атис-Монс. Перед тем как открыть дверь, я сменил компресс, который последние дни не покидал моего носа. За дверью стояла Анна, в джинсах и кроссовках, волосы стянуты в хвост. Одна.

– Никто не знает, где я живу.

– Сегодня утром я была у вашего патрона. Раз уж он раскололся, вы можете меня впустить.

Она ойкнула от неожиданности, когда увидела, что заменяет обои у меня в гостиной. Несколько десятков фотографий были приклеены скотчем прямо к стене. Ее спина, ее ноги, ее лицо, ее руки, поглаживающие тело, крупным планом ее улыбка, длинные волосы, такие же, как на пляже в Лос-Анджелесе, ее загорелые груди. *(Были еще две фотографии гораздо более интимные, но я не рискнул их повесить.)* В течение двух лет части ее тела были единственными элементами декорации моей берлоги. Она не порадовала меня – не стала ругаться.

– Карты на стол. Мне наплевать, что вы собираетесь делать с фотографиями с яхты, в конце концов это ваша работа. Я пришла попросить вас уничтожить все фотографии, на которых есть я. Последний раз у Эдвина мне это сильно навредило, моя работа не нуждается в рекламе. Я чуть не потеряла ее из-за вас. Я девушка по вызову, а не топ-модель, люди, с которыми я работаю, не любят публикаций в газетах. Еще один подобный эпизод – и я останусь без работы.

Я уже знал, что Шале не собирается публиковать этих фотографий. Анне нечего бояться, но зачем ей об этом знать?

– Видите ли, мне надо и на жизнь зарабатывать, мадемуазель…

– Просто Анна. Сколько вы хотите?

– Мне уже заплатили за эти фотографии. Это будет нечестно.

– Нечестно?..

Она деланно рассмеялась. Этот смех означал, что люди вроде меня с ней всегда могут договориться.

– Вам ничего не стоило угостить меня шампанским там, на пляже, в Лос-Анджелесе. Нам бы сразу показалось, что мы оба в отпуске. Небольшой курортный роман. Воспоминания о лете. Это бы не зашло дальше.

– У меня *никогда* не бывает отпуска.

– Если вам платят за час, то отпуск с вами должен стоить целое состояние.

– Мне платят не за час и не пытайтесь меня унизить, никому этого пока не удалось. Ладно, хватит вилять. Говорите, чего вы хотите, и покончим на этом.

– Три дня на пляже. Без вечеринок и фотографий. Я плачу за все, ваше дело только присутствовать там.

– Невозможно.

Долгое молчание, она проигрывала все варианты. Через два часа она покинула мою постель – плата за все. (Сегодня *мне немного стыдно, что я оказался такой легкой добычей, но как было устоять?)*

– Мы еще увидимся?

– Вам должно хватить фотографий.

Она заснула на шезлонге, не прикоснувшись к еде. Я открыл зонтик над ее головой и вернулся к созерцанию волн.

Следующие месяцы я работал как проклятый, надеясь ее найти. Не было вечеринки, не было салона самолета, не было фотографии, где бы я не надеялся увидеть ее силуэт, излучающий свет ее загадочной красоты. И хотя я свято верил в логику, я снова начал подстерегать случай. Через два года я перестал верить в свою пресловутую удачу *(и был прав!).* Я вернулся с Казаманса, смирившийся, убежденный, что наши дороги никогда больше не пересекутся. Фотографии в моей комнате скукожились и пожелтели, большую часть из них я уничтожил. И как раз в ту минуту, когда я рвал ее спину на клочки, зазвонил телефон.

– Наверное, вы меня не помните…

– Анна?

Я слышал вдалеке шум прибоя. Мне привиделся глобус, и я искал на нем маленькую красную точку, которая бы мне сказала, где она сейчас: Галапагосские острова, Канарские, Сейшелы.

– Вы мне нужны. Вы знаете Стефано Ди Роза?

– За кого вы меня принимаете? Он известен даже больше чем Энцо Феррари.

– Я встречала разных подонков, но этот зашел слишком далеко.

Никогда я не думал, что она может быть в такой ярости. Но я быстро понял, что явилось причиной ее гнева, выслушав, что этот Ди Роза заставил ее вытерпеть. Он был знаменит тем, что ломал все игрушки, которые ему дарили. Дорогие спортивные машины заканчивали свое существование в овраге, африканские сафари превращались в жестокие убийства, полотна великих мастеров сжигались от скуки. Не говоря уже о пьяных выходках, которые так любила итальянская пресса. То же он хотел сделать с Анной.

– Вам повезло, вы встретили извращенца.

– Моя работа связана с риском.

– Вам никогда не приходило в голову ее сменить?

– Я даю вам возможность сделать свою и заработать много денег.

– Вы сейчас где?

– В Довиле. Ди Роза устраивает завтра деловой обед в своем замке. Я уехала оттуда сегодня утром, но останусь в городе, пока этот подлец не ответит за все.

– Что мне с этого будет?

– Вам решать. На этом обеде будет Фред Эрланген, еще я слышала имя Годрена. Но возможно, это не ваш профиль.

Это должно было означать: «Как только речь заходит о попке кинозвезды, вы все тут как тут, а стоит предложить вам эксклюзив об отмывании денег мафией, всех как ветром сдувает». Естественно, это был не мой профиль, и мою газету эти фотографии не заинтересуют. И хотя Шале любил трудности, он был не из тех, кто променяет запах серы на запах пороха. Фотографии, которые она предложила мне сделать, касались отдела по борьбе с бандитизмом. Но ни одна бульварная газетенка не рискнет совать свой нос в это осиное гнездо.

– Анна, я понимаю, что вы хотите отомстить, но за это легко можно получить пулю в лоб… Бросьте. Забудьте об этом и отправляйтесь в отпуск.

Даже не выругавшись, она положила трубку. На следующий день я был в ее отеле вместе с Этьеном. И несколько часов спустя я уже проявлял десятки фотографий, на которых трое промышленников пожимали друг другу руки, прощаясь после обеда на ступеньках дворца Ди Розы. Шале дал мне координаты немецкого журналиста, который давно собирал материалы на Ди Розу и остальных, но никак не мог доказать, что эти трое прекрасно знакомы. Я заработал значительно больше, чем за последние шесть месяцев работы для моей драгоценной газеты.

– С вашей стороны было очень мило согласиться поужинать со мной.

– Знаю, что вы сейчас спросите: сколько стоит ужин со мной? Отвечаю вам сразу: гораздо меньше, чем отпуск в Палавасе. Ведь вы снова будете мне надоедать с этой идей отпуска?

Я заказал столик на двоих в ресторане, слишком роскошном для меня, из тех, что посещают мои клиенты. Я был уверен, что она проведет вечер, подмечая одну за другой мои промашки.

– Вы что, не видите, что я по уши влюблен? Мы можем немного пожить вместе. Не обязательно всю жизнь, ну например, лет десять. А там посмотрим. Мы будем жить на берегу моря, зимой и летом я буду приносить кокосы. Давайте потратим мои дойче марки в тропиках! В конце концов вы имеете право на свою долю. Она мило улыбнулась, наклонилась и поцеловала меня в губы. Это было волшебно, гораздо приятнее, чем те два часа, что я сжимал ее в объятиях. Остаток вечера мы вели себя как парочка влюбленных. И я понял, почему мужики готовы выкладывать такие деньги, только бы она была рядом. Я забыл ее красоту, природную грацию, элегантность и чувство юмора. Одна-единственная вещь отличала ее от других: всем своим существом она умела показать, как она счастлива быть именно сейчас, именно здесь, именно со мной. Нигде больше, ни с кем больше. *(О, это она умеет, гадюка!)*

На следующее утро я даже не пытался ее удержать, когда она сказала:

– У меня самолет в семь часов.

– Куда?

– В Насау.

– Понимаю.

– Что касается того, что вы сказали вчера вечером… Я хотела… В общем… Как вы представляете себе парочку – девушка по вызову и папарацци? Забудьте об этом. Я вернусь через три дня, позвоните мне.

Девушка по вызову и папарацци… Девушка по вызову и папарацци… Она сказала об этом так естественно, что у меня проклюнулась идейка.

Она проснулась, я протягиваю ей стакан ледяного лимонада, она выпивает его маленькими глоточками. Говорит, что слишком жарко и от песка все чешется.

Следующий год был самым насыщенным в моей жизни. Мы создали коалицию, а затем и пару. Девушка по вызову и папарацци решили выступить дуэтом. Тот же круг, те же извращения, одинаковые цели. Она соблазняла, собирала необходимую информацию, спала с людьми из общества, а я в эти минуты не переставая щелкал затвором в нужном месте и в нужное время. Анна оказалась лучшим осведомителем, который у меня когда-либо был. В некотором роде и я стал ее помощником – не раз я сводил ее с мужиками, которые только и мечтали о том, чтобы с ней познакомиться. И так мы зажали в тиски весь этот дивный мир. Из алчности. *(Кроме наживы, были и другие удовольствия, но деньги были единственным связующим звеном, которое мы открыто признавали.)* То был грандиозный год, нас обоих затянуло болото цинизма, и этот спуск по кругам ада накрепко связал нас. Двое подонков перед лицом вечности. Но что касается подлости, то мы были не одиноки. Были еще наши клиенты и читатели моего еженедельника. Не так уж мало народу. В этом было наше главное наслаждение: пусть мы сами ломаного гроша не стоим, но каковы остальные, чтобы нас учить? Очернив весь мир, мы словно обеляли себя, и ничто не радовало нас больше, чем те сделки с совестью, свидетелями которых мы становились каждый день. Там, где испорченность ставила точку, мы аплодировали из первого ряда, утешаясь собственной низостью. Мы пока еще не знали, что цена, которую придется платить, превосходит наши возможности. Любое слово надежды, малейшая нежность были нам строго воспрещены, не говоря уже о планах на будущее. Сколько времени мы рассчитывали продержаться?

– Скажи мне, дорогая, когда ты влюбилась в меня? Теперь ты можешь признаться. В Форментера? Помнишь ту халупу, куда ты пришла меня навестить? Нет? Ну вспомни же… Ты провела неделю у этого дурака художника… Не хочешь разговаривать? А может, это было… Во Флориде? В тот день, когда все чуть не сорвалось, помнишь? Этот теннисист пронюхал о наших махинациях… А снимки были хороши… В аэропорту ты чуть не сдалась, признайся уж… Я просил тебя стать моей и только моей… Что с тобой, дорогая? Может, это от жары?

Однажды, разглядывая только что отпечатанные фотографии, где она распушила хвост перед бетонным магнатом, Анна сказала:

– А что, если его немного пошантажировать?

– …Что?

– Он заплатит нам кучу бабок. И на полгода можно расслабиться. *(Вот как она теперь разговаривала. Такая образованная девушка…)*

– Да что тебе еще надо? Наш бизнес процветает.

– Тебе этого достаточно? – Да.

– Жалкие крохи!

– Наверное, ты выдохлась, раз говоришь так. Я хотел обнять ее, но она меня оттолкнула.

– Ты устала. В последнее время мы работали без передышки. Может, поедем в отпуск?

– Вот заладил! Придурок!

– Могу предложить тебе кое-что получше. Мы сворачиваем лавочку. Женимся. Мы…

Она расхохоталась.

– Поженимся? Мы с тобой? Это все, что ты способен придумать? Мы спускаем все наши деньги на курортах, а через полгода возвращаемся в твою хибару в Атис-Монс? Ты знаешь, где я родилась? В Крезе, в беднейшей из провинций. В дыре под названием Подземелье! В Подземелье! Думаешь, такого не бывает? Теперь ты понимаешь, почему мне нужен воздух, самолеты, деньги, и чтобы все вокруг вертелось? Хочешь, чтобы я тебе подробно объяснила, идиот?

Чтобы сохранить лицо, я попытался изобразить презрение, но в этой игре ей не было равных.

– А что, если я сниму тебя на неделю, как все эти толстосумы? В конце концов ты всего лишь продажная шлюха.

По улыбке, которой она меня одарила, я понял, что она зайдет гораздо дальше, чем я мог себе представить.

В тот вечер у нас была работенка на вилле к югу от Барселоны. Эта гадина *(именно так я думал о ней в тот момент)* не сделала ничего, чтобы облегчить мне задачу. Несколько раз за вечер она оглядывалась на мое укрытие, рискуя выдать меня гориллам клиента. Смотря на него издалека, к тому же через объектив, я решил, что он скорее похож на честного человека. Не такой порочный, как остальные. Он мог сойти за отца семейства с повадками джентльмена. Из-за этого я даже несколько раз порывался уйти. Так и надо было сделать. Не знаю, что мне помешало. Его телохранители окружили меня, я не успел среагировать. *(Сегодня я практически уверен, что Анна продала меня, но в глубине души еще теплится сомнение.)*

Дальнейшее помню смутно. Помню ее, ее блуждающий взгляд, пока парни втаскивали меня на подоконник. Я орал ее имя. Я не понимал, почему они не бьют меня. Последнее, что встает перед глазами: я из последних сил цепляюсь за подоконник, а взбесившиеся каблуки дробят мне пальцы. И я разжал руки.

Очнулся я в больнице. Шале и Этьен были уже там. Хотя они пытались обратить все в шутку, я прекрасно понимал, раньше всех специалистов, докторов и диагностов, что на этот раз доигрался. Перелом таза, потеря левого глаза и странная дрожь в руках, которая не прошла и по сей день. В течение шести месяцев, пока я поправлялся в своем пригороде, я все ждал, что она появится. Этот эпизод навсегда поссорил меня со случайностью и примирил с логикой. По-моему, было совершенно логично, что все закончилось именно так?

Шале был на высоте, когда я захотел снова работать. Вместо того чтобы объяснять мне, что я больше не в состоянии удержать в руках фотоаппарат, он предложил мне снимать по мелочи – похороны актера на монпарнасском кладбище или вечеринки звезд. Я поблагодарил его за деликатное лицемерие. Через год мне снова захотелось увидеть Анну. Я висел на телефоне, пытаясь поймать ее по всему миру. Однажды вечером она соблаговолила снять трубку.

– Ну как, выкарабкался?

– Так себе. Я теперь печатаю чужие фотографии в супермаркете, у меня руки весь день в проявителе, но в общем ничего.

– Чего ты хочешь?

– Отпуска. За тобой должок. Всего несколько дней. Я жду.

– Ты прекрасно знаешь, что это невозможно. Ты болен. У тебя ни гроша за душой. Зачем тебе это надо?

– Думаю, мы договоримся.

– …В каком смысле?

– Я рассказывал тебе о своем альбоме?

– Альбоме?

– Нашем альбоме. Сотня снимков, на которых ты и твои любовники. Те, кого я прополоскал в газете, спустятся с небес на землю, когда узнают, как я добывал информацию. А падать с облаков довольно болезненно, уж поверь мне.

– Подонок…

– Так я тебя жду.

В тот же вечер она появилась с дорожной сумкой – еще прекраснее, чем семь лет назад.

– Даю тебе три дня в обмен на фотографии и негативы. Ну а твой отпуск? Задрипанный отель в Дижоне с видом на озеро? В Дижоне небось есть какое-нибудь озеро?

Я хотел объяснить ей, что ни к чему ездить так далеко.

Я смешал себе еще один коктейль и вытащил лед из морозилки. Скоро стемнеет, но жара не прекращается. Я включил вентилятор на полную мощность. Анна хочет пойти в душ смыть песок, который приклеился к ногам. Я выбирал песочек помельче, практически черный. Выгружая две сотни килограммов на пороге моего дома, шофер долго объяснял мне, что этот песок совершенно не годится для строительства. Мне понадобился целый день, чтобы разбросать его толстым слоем по пустой гостиной. Пола совсем не видно.

Я снова сложил свой шезлонг и поставил его к подоконнику. Стемнело. Из окна видны только огни супермаркета напротив. Там я скупил все лампы для загара, которые у них были. Они отлично работают. Через два дня мы оба прекрасно загорим. Анна попросила меня вынуть видеокассету, которая крутится с утра без остановки. После восьми часов пляжа, согласен, надоедает. У меня есть много других – Таиланд, Багамы, в видеотеке была полная коллекция «Путешествий». Заодно я выключаю вентилятор. Она начинает плакать и умолять меня развязать веревки, которыми я привязал ее к шезлонгу. Когда она слишком уж расходится, я завязываю платком ее нежные губки.

– Не дергайся, дорогая. Расслабься. Мы в отпуске.

Оппортюн

Мне хватило всего четырех секунд, чтобы разорвать нить, связывавшую нас на протяжении стольких лет.

Мы с женой целую вечность готовились к этой прогулке на яхте. Наши друзья, Жан-Пьер и Майте, только что вернулись из путешествия. Было что-то символическое в том, чтобы вот так собраться всем вчетвером в каюте и ночь напролет вспоминать прошедшую юность. И каждая минута моей жизни будет принадлежать той, кого я люблю.

Она все время повторяет, что мы так редко видимся.

Этот день должен был оказаться бесподобным, незабываемым. И я сделал все, чтобы он таким и стал. Но не так, как я себе представлял. Мы вышли из машины, пешком дошли до бухты, где нас ждали друзья, готовые к отплытию, с поднятыми парусами. Объятия, шутки, погрузка провизии, и тут, глядя на небо, я выпалил:

– И к тому же будет буря, а Сесиль это обожает, правда, любовь моя?

С этой секунды не могло быть и речи о путешествии, о яхте, ни даже о друзьях, в молчании под проливным дождем мы вернулись домой.

Надо сказать, что Майте обожает мою жену, это ее лучшая подруга. Жан-Пьер тоже очень любит ее, ведь они выросли вместе. А я просто боготворю – другого слова не подберешь – свою жену. С первого же дня я взираю на нее, как на совершенство, которое какой-то милосердный бог позволил мне встретить на моем пути, чтобы доказать мне, что жить на свете стоит. И несмотря на то что прошло немало лет, я до сих пор не знаю, за какое из ее достоинств я женился на ней: за ее красоту, за ее чувство юмора или за ее страстную натуру?

Вот только мою жену зовут не Сесиль.

Стоит ли продолжать? Объяснять, что Сесиль тверда и кисла, как зеленый лимон, что ей двадцать один год и что она смотрит на меня, как распятый Христос, каждый раз, когда мы занимаемся любовью в маленьком отельчике, где она ждет меня в два часа дня по средам и пятницам?

Если вы до сих пор не знаете, то послушайте, что я вам скажу: у каждого из нас в этом мире есть один и тот же враг. У вас, у меня или у соседа напротив. Непримиримый враг, который изводит вас изнутри и не позволяет сделать ни малейшего шага в сторону. Я могу

поклясться, что этот враг только того и ждет, чтобы опустить нож гильотины. Его память может состязаться с самыми изощренными механизмами, он реагирует быстрее, чем инстинкты и рефлексы вместе взятые, его жажда противоречия не знает границ, и, чтобы ни случилось, последнее слово останется за ним, битва проиграна заранее. Он есть у меня, у вас, даже у святых и убийц есть этот враг. Имя ему – Подсознание.

Мое, кажется, настолько следует христианско-иудейской морали, что не позволяет мне ничего с тех пор, как я подписал брачный контракт. Моему Подсознанию не нравятся мои шалости. Надо думать, оно тоже обожает мою жену. А ведь я же считал делом чести не совершать ошибок новичка: я стал чаще принимать душ, менял рубашки два раза на дню, не оставлял никаких записочек и никогда не давал свой домашний телефон. Один раз мне даже пришлось выкурить сигару длиной в руку, чтобы замаскировать запах «Шалима» в машине. Но это сволочное Подсознание всегда найдет лазейку. И это не первый раз, когда оно выкинуло такую злую шутку. Впервые это произошло однажды утром, в воскресенье, когда я, сладко потягиваясь, только открыл глаза. Моя нежная дорогуша принесла мне поднос с завтраком, я поблагодарил ее, потрепав по затылку, она спросила, хорошо ли я спал, и я ответил, что совершенно не помню, что мне снилось.

– А кто такая Гаэль, которая «робче, чем девственница, но гибче, чем газель»?

Никогда не знаешь, насколько Подсознание недовольно тобой. Оно в состоянии зафиксировать и выдать слово в слово самые чудовищные глупости, которые мы забываем, едва произнеся.

С Гаэль я сумел выкрутиться, придумав какую-то отговорку (дурацкий фильм, который крутили в самолете – поди узнай, откуда берутся сны), но с Сесиль я не смог ничего сделать. Главное – не пытаться оправдаться. Зачем к гнусности добавлять еще и пафоса? Следующий месяц прошел в полном молчании. Ни слова не было произнесено за четыре недели, полные ледяной ярости. Ничего. Это она умеет. И потом как-то вечером она сказала, поставив чашку чая на журнальный столик:

– Еще одна оговорка – и ты меня больше не увидишь.

После чего я стал верным мужем. Самым примерным мужем. Никаких игровых автоматов вечерком после работы, конференций в провинции и даже пробежек утром по воскресеньям. Как только я поднимал глаза, она была здесь. Как только она поднимала глаза, я был тут как тут. Любовь на кончике взгляда, можно было бы сказать. Счастье на горизонте.

Прошли месяцы. Много месяцев. Может быть, даже год. Мимо меня мелькали силуэты, полные обещаний, губы, готовые к поцелую. Но я был непреклонен. Я стал часто болеть. Подсознание осталось без работы, его надо было чем-нибудь занять. Я был несчастен, как камень. Даже пролил несколько слезинок.

Достаточно было, чтобы новая сотрудница на работе представилась мне: «Добрый день, меня зовут Валери», как мне приходилось в течение всего дня убеждать свое Подсознание, что я не знаю никакой Валери, что я в жизни не встречал ни одной Валери, что это самое нелепое имя, которое я когда-либо слышал, и что я ненавижу всех Валери на свете. Так могло бы продолжаться долгие годы, мое колебание между стыдом и раздражительностью, между навязчивой идеей и чувством неудовлетворенности, если бы не пикник солнечным воскресеньем у Майте и Жан-Пьера.

Воскресенье в саду, чтобы насладиться еще не наступившим летом. Бесконечный аперитив, шашлыки, шезлонги и сиеста. Пока девочки накрывали на стол, мальчики, как обычно, состязались в умении добиться идеальных углей. Внезапно на сцене появился их пес, стащил кусок печенки, и Жан-Пьер заорал:

– Жош, черт возьми, немедленно слезай со стола!

Я в недоумении переводил взгляд с пса на его хозяина.

– Но что случилось с вашим Жошем? Когда я видел его в последний раз, он весил на двадцать килограммов больше, и шерсть у него была отвратительная, что твой коврик для ног.

– Балда ты, тот Жош умер две недели назад. Мы только что взяли другого. Но я с детства называю всех своих псов Жошами, так я, во-первых, никогда не ошибаюсь, а во-вторых, меньше страдаю, когда они умирают.

– ?..

Так мне пришла в голову идея.

Очень просто.

Что может мне помешать завести романчик, если имя моей любовницы будет то же, что и у моей жены?

Ничто.

Даже мое Подсознание.

Вы считаете, это отвратительно?

Мне тоже так кажется, в какой-то мере, но в тот момент, когда у меня зародилась эта идея, я почувствовал себя просто гением. Это была единственная возможность разозлить Подсознание, но так, чтобы оно не смогло отомстить. Казалось бы, нет ничего проще, но жизнь никогда не дает насладиться триумфом. Была только одна загвоздка – мою жену зовут Оппортюн.

Оппортюн Жанна-Мари Элис Сожон. Для девочек это то же самое, что Дезире и Бьенвеню – для мальчиков. Родители считают, что это очень мило, друзья считают, что это очень мило, да и сам я, когда она назвала мне свое имя, счел его очень милым. Поначалу я смаковал это имя, я орал на всех углах: «Оппортюн!», счастливый оказаться в объятиях столь необыкновенного создания.

– Где я найду тебе эту, как там ее?

– Оппортюн.

Форлани, старый холостяк, ничего не знал о моей личной жизни, а список его побед заставил бы Дон Жуана поджать хвост.

– Если бы ты хотел какую-нибудь Этель или Агату, у меня есть такие. Я даже знаю одну Эмму. Но тут…

Я тщательно проштудировал все телефонные справочники, достал своими вопросами коллег и проконсультировался со специалистами. Через три недели я оказался перед фактом, что являюсь единственным в мире мужчиной, которому посчастливилось приблизиться к Оппортюн. Так что вероятность встретить сразу двух становилась похожей на чудо. Мне начало казаться, что я схожу с ума настолько, что уже явственно слышал голос своего Подсознания («Брось ты эту затею, ты проиграл!»). До той знаменитой вечеринки, организованной на моей драгоценной работе. Идиотские танцульки, на которые все ходят только для того, чтобы не дать коллегам повода позлословить на твой счет. В тот вечер я представил жену тридцати сослуживцам, которые представили мне своих. Вот как это происходило:

– Познакомьтесь с моей женой Оппортюн.

– Как это мило и так оригинально! Вы, наверное, были единственной на всю школу! И когда кричат на улице, вы можете быть уверены, что окликают именно вас! Я даже не знал, что такое имя существует! Как это мило и так оригинально! Как это мило и так оригинально! Как это мило и так оригинально!

Да, я в курсе, что живу с единственным экземпляром.

– Пойдем отсюда, дорогая?

– Как хочешь.

По дороге в гардероб мы наткнулись на нашего профсоюзного деятеля, пожелавшего познакомиться с восхитительной женщиной, державшей меня под руку.

– Моя жена Оппортюн.

– О, как забавно, мою сестру зовут так же.

Я очень хорошо помню, какой я ее вообразил: дамочка ста пятидесяти килограммов живого веса, окруженная крокодилами на австралийском ранчо. Иногда даже хочется, чтобы жизнь подчинялась такого рода логике, но жизнь – не точная наука, Подсознание ничего не смыслит в логике, и у случая гораздо больше фантазии, чем у нас. Эта Оппортюн частенько приходила пообедать со своим братом в нашу столовую, она была не замужем, прелестна, как майское утро, и не пользовалась духами.

– Я пойду возьму кофе. Вы поищете столик? Он не ведал, что творит, оставляя меня в тот день один на один со своей сестрой.

– Вы очень близки со своим братом.

– Наверное, если бы я не была так одинока, мы бы виделись реже.

– Не могу представить себе, что вас не осаждают толпы поклонников.

– Я общаюсь только с женатыми мужчинами – предпочитаю оставаться независимой и люблю просыпаться в одиночестве.

Я принес шампанское, она приготовила что-то закусить, диван был мягким, голубые шторы отбрасывали пастельные тени на ее кожу. Я горю так, что скоро превращусь в пепел. Бесконечно счастливый, я воскликнул:

– Иди ко мне, Оппортюн, займемся любовью под луной, Оппортюн!

И она пришла в мои объятия. И сказала, улыбаясь:

– Обычно все смеются над моим именем.

– Как оно мило и так оригинально!

– А вас как зовут? Вы мне так и не сказали – все произошло так быстро.

– Франсуа.

Она выскользнула из моих объятий. Одно движение ресниц – и шаловливое выражение лица исчезло.

– …Франсуа?

– Да, конечно, везде сотни Франсуа, не всем же повезло с таким редким именем, как вам. Это даже к лучшему!

– Вот именно… У меня был очень… очень бурный роман с одним Франсуа… Я только-только пришла в себя… От одного звука его имени у меня все внутри сжимается…

– Но как же так!!! Называйте меня… Барнабе!.. Донасьен!.. Родриго! И вообще, зачем меня как-то называть, просто любите меня!

– Это невозможно, это сильнее меня, и тут уж ничего не поделаешь. Мне так жаль. Вы такой милый.

Неделей позже Форлани (уже несколько месяцев назад он стал моим доверенным лицом) достал свою лучшую ручку, чтобы настрочить следующее:

«Муж. 40 лет, приятн. наружн., жаждет пережить идиллию с дев. по имени Оппортюн. Возраст, внешность значения не имеют. Срочно».

– Это объявление просто нелепо.

– Для специфических проблем нужны адекватные решения. Через неделю или ты рухнешь под натиском разных Оппортюн, или ты решишь жить без греха. На твоем месте, с такой женой, как у тебя, я бы ни секунды не сомневался.

– Это ты мне говоришь?

– Именно я. Если бы у меня была такая жена, я бы возблагодарил Небеса и тут же прекратил свои похождения. Я и вправду сомневаюсь, заслуживаешь ли ты ее.

– Моя бедная Майте, хоть ты и моя лучшая подруга, я должна тебе сказать, что ты совершенно свихнулась.

– Здесь так написано, черным по белому. Человек хочет познакомиться с Оппортюн.

Что и говорить, это показалось мне странным – парень, который хочет познакомиться с девушкой, носящей такое же безумное имя, как у меня.

– Я и не знала, что ты читаешь такие журнальчики.

– Не уводи разговор в сторону. Нет, ты только подумай! Мужик, влюбленный в имя! И добавляет «возраст, внешность значения не имеют», по-твоему, это не признание в любви? Думаешь, со мной такое когда-нибудь случится? Дудки! Надо было, чтоб это случилось с мадам, которая ни на шаг не отходит от своего благоверного, который на нее даже не смотрит.

– Не говори так о Франсуа.

– И кто тебе сказал, что он не принялся за старое?

– Уверена, что нет.

– Когда он тебе не изменяет, он на тебя дуется, по-твоему, это нормальная жизнь? В то время как какой-то романтик уже без ума от тебя? Это волнует, это приятно… это… так… возбуждает! Пойди посмотри по крайней мере, на что он похож! Это тебя ни к чему не обязывает, хоть развеешься немного! Иди!

– …Думаешь?

В тот бар он пришел первым. Она подсела к нему. Он чуть не сказал: «Я знал, что ты придешь», и она была готова ответить: «Я была уверена, что это ты», но вместо этого они долго притворялись, будто не знают друг друга. А потом, поздно ночью, он предложил заняться любовью под луной.

IQ

Я не устаю изумляться, когда вижу, как папаша трудится, как каторжный, над будильником в тот день, когда все переходят на летнее время (пропустить невозможно, каждый год в последнее воскресенье марта я имею право задать вопрос: «Так как, мы переходим на час вперед или на час назад?»). То же самое, когда он решает расслабиться с кроссвордом в руках и задает маме вопросы вроде: *«Приютивший все пары,* из трех букв… Три буквы – это не слишком много для всех для них». Он хотел бы написать «зонт» или «брачный контракт», но не влезает. А я снова утыкаюсь в книгу, вместо того чтобы сказать ему «Ной», потому что определение не блестящее, а ответ и того меньше. Мне не хочется его обижать. Налоговая декларация для него целая драма, а поздравительные открытки – катастрофа. Иногда он настолько выводит меня из себя, что хочется крикнуть: «Если не знаешь, спроси меня, идиот!» Но я никогда этого не говорю. Все-таки он мой отец. И когда я говорю, что меня это удивляет, я хочу, набравшись смелости, сказать, что… что мне просто тяжело это видеть.

Ведь мне всего девять лет и четыре месяца.

В школе все по-другому. Руки у меня развязаны, Но я этим не пользуюсь. Училка ничего, скорее даже хорошенькая, но когда она пытается объяснить, что правописание «не» с причастиями подчиняется логическим правилам, которые мы должны вбить себе в голову, я говорю «нет». Нет, оно не подчиняется никакой логике. Надо напрячься, это да, согласен, но логики никакой нет и в помине. «Несъеденный апельсин» или «не съеденный за обедом апельсин» пишется по-разному, но как бы там ни было, этот чертов апельсин остался целехонек. Только вот если я стану возникать, начнутся неприятности, училка раздраженно

скажет мне, что я отвратительно веду себя на уроках, а все потому, что мне просто нечего здесь делать. Я отлично знаю, что на педсовете они изучают мои документы и что в один прекрасный день они наконец решат, что со мной делать, но сколько можно ждать! Я уже перепрыгнул через два класса, похоже, больше просто невозможно. Так что я научился сдерживать свое неуемное любопытство, но мне невыносимо скучно. Так как я постоянно зеваю на уроках, многие считают меня тупым лентяем. Я же не виноват, что родился таким. Я ведь не просил. Последний раз, когда человек в желтом костюме приходил, чтобы протестировать меня, он выставил мне 148. Расположи эти предметы, малыш, что это тебе напоминает, малыш, говори все, что приходит тебе в голову, малыш. Коэффициент умственного развития 148, а он разговаривает со мной, как с дебилом… Ну и посмеялся же я, когда отвечал на вопрос, формулировку которого он даже не понял. Я не из тех, кто любуется собой, но этот тип с ногами-циркулями, который регулярно приезжает измерять мои нейроны, должен перестать называть меня «малыш», мне кажется, это не совсем уместно. Помню день, когда он явился сообщить моим родителям, что я не похож на других. Человек в желтом пиджаке объяснял моему отцу, что, если бы я родился в России, я бы уже находился на секретной базе, где дни напролет играл бы в шахматы. В Америке меня бы поселили как принца при каком-нибудь научном комплексе, с другими такими же умниками. Но во Франции, к сожалению, пока ничего подобного нет, поэтому меня надо первым делом послать в Париж. Но папаше не очень понравилась эта идея, он сказал, что после окончания школы будет время подумать. Что ты хочешь, чтоб я сделал со школьным дипломом, а, папаша? Человек в желтом пиджаке считает, что я уже достоин трех или четырех.

Сверходаренный ребенок – с этим термином я согласен, другого пока не придумали, но нельзя все валить в одну кучу. Как в университете, есть технари и гуманитарии. К кому я отношусь, тоже понятно. Я неплохо справляюсь с логарифмами и уравнениями, но мне это быстро надоедает. Все эти бассейны, которые наполняются и выливаются, или последовательности, где из одного числа можно вывести другое, кажутся мне занудством – дело вкуса, конечно. Зато мне гораздо больше нравятся темы, что называется, «чисто созерцательные». Никогда не забуду первый раз, когда тип в желтом пиджаке показал нам картинку, на которой человек сидит за письменным столом, а на столе лежит книга. Желтый пиджак спросил: «Что делает этот человек?» Он ожидал, что я скажу, что парень делает домашнее задание, потому что он прилежный ученик и не хочет остаться на второй год. Я же произнес первое, что пришло мне в голову, примерно так: «Закончив читать Ницше, этот несчастный осознал, что Бога не существует. Разочаровавшись в религии, он решил покончить с собой, оставив записку, начинающуюся словами: „О вечность, мой белый саван“. Что мне больше всего понравилось, так это выражение лица типа в желтом пиджаке.

Естественно, они тут же решили, что меня надо показать психоаналитику. Я был заинтригован. В августе, пока мои родители барахтались в Средиземном море, я читал на пляже «Введение в психоанализ». Кое-что в этой книжке мне очень понравилось, например, крестовый поход против оккультных наук или поэтическая идея о том, что у каждой души существует свой потусторонний мир. Психоаналитик задал мне множество вопросов о моих родителях. Ужасно было слышать все эти ласковые слова по отношению к себе. Да, я действительно вышел оттуда в слезах, меня растрогало что-то ужасно обыкновенное или обыкновенно ужасное, именно так.

А я не люблю плакать.

Приятели? Как вам сказать… Не совсем верное выражение. Друзья? Нет, не то. Одноклассники? Да, есть. И много. Они видят во мне последний бастион перед плохой оценкой или же несравненного претендента на игру «Вопросы для чемпиона». Меня со всеми моими способностями легко можно купить за горсть рахат-лукума.

А я хочу лишь любить вас, вас всех, если вы сможете наконец понять, что я всего лишь ребенок, хотя и такой умный. Не бойтесь, когда я вырасту, я все забуду и стану нормальным, похоже, это самый распространенный вариант.

У меня есть два собеседника. Роже, радиоэкстрасенс. Ему уже за шестьдесят и он всюду ходит со своей штукой для обнаружения радиации. Иногда он находит источник излучения, и я даже видел однажды, как он вышел на склад оружия глубоко под землей. Наши в деревне его обожают. Надо сказать, он чертовски обаятелен. Я совершенно влюбился в него, когда он только для меня одного вытащил на свет божий свой школьный портфель времен Оккупации. Он открыл его на моих глазах: внутри таились сокровища. Гора исписанных бумажек, на каждой – слово, предложение, дельная мысль. А все потому, что в детстве он был очень любопытен и записывал все, чего не понимал в разговорах взрослых. Роже фиксировал все, что слышал непонятного, и говорил себе, что в один прекрасный день он поймет. И он дал мне это сокровище, тайны своего детства. Я выбрал наугад одну бумажку и прочел: «Дядя сказал, удовольствие, которое нельзя потрогать, всего лишь сон». На другой: «Бабушка брызжет слюной, а дедушка считает ее красивой». Я читал эти бумажки одну за другой, и меня охватила тоска. В том, что меня окружает, так мало непонятного.

Мой второй собеседник – Гаэль. Мы с ней ровесники, она всего на два дня меня старше. Она совершает все глупости, которые я не решаюсь сделать. Меня смущает такая свобода. Взрослые говорят, что по ней тюрьма плачет, а я ей завидую. Однажды она объяснила мне, что такое супружеская жизнь. «Люди живут вдвоем, потому что если один из них упадет, второй будет тут как тут, чтобы его поднять». И хотя я читал романтиков, картезианцев и психоаналитиков, за всю свою короткую жизнь я ни разу настолько не приблизился к истине. Иногда мы целуемся в губы. Ее интересует сам процесс, меня – вкус. Она хочет, чтобы мы поженились, когда нам исполнится по двадцать лет. Я говорю ей, что к тому времени уже состарюсь. Гаэль отвечает на многие вопросы, которые меня занимают. И на секунду у меня возникает впечатление, что я взрослый человек и мой возраст наконец-то соответствует моему умственному развитию. Мне так нравится смотреть, как она одергивает сзади юбку, когда дует ветер! Еще нас сближает любовь к паззлам. Но пока я трачу бездну времени, выискивая нужную деталь, она берет первую попавшуюся и ударом кулака вбивает ее на место. Чистая поэзия!

В одной из книг я вычитал, что суперодаренные люди не могут быть счастливы. Это наверняка правда, но мне хотелось ответить, что человек не может быть одаренным во всех сферах одновременно. Если хорошенько подумать, у меня еще вся жизнь впереди, чтобы быть несчастным, к чему торопиться?

Но ожидая взросления, что делать с этим огромным количеством интеллекта? Я мог бы стать кем-то вроде мыслителя, весь день валяться на диване, но зачем? В моем возрасте однообразие быстро надоедает. В моем возрасте хочется безобразничать. Хочется показать, что ты существуешь, хочется развлекаться, проказничать, перевернуть все вверх дном.

Ну и?..

Ну и от скуки я вывел следующее простейшее умозаключение: если Бог – это высшее существо, следующее какому-то непонятному плану, если Бог видим, когда его никто не видит, если Бог распоряжается судьбами людей, если Бог так любит нищих духом и заблудших овец, то Я – Бог.

И весь следующий год в нашей деревушке я исполнял свое божественное предназначение, хотя никто об этом и не догадывался. Это, конечно, необычная работа, но все же работа. Другой Бог, о котором говорится в Ветхом Завете, отдыхал в воскресенье. А я иногда даже этого не могу себе позволить.

В школе за три недели я решил проблему рэкета и наркотиков благодаря классической тактике замены местами сильного и слабого, взятой из игры в го. Директора отметило

начальство (все верят в его железную руку), и теперь наш лицей ставят в пример всему району.

Я написал очень грамотное письмо с угрозами крупному промышленнику, который уже собирался устроить огромную свалку на въезде в деревню. За два месяца проблема была решена благодаря сотрудничеству химиков и журналистов… В итоге нашему мэру пришлось отказаться от своих амбициозных, но очень личных проектов и подать в отставку.

Я люблю большие дела, но не забываю и о частностях. Бог везде. Я дал идею для романа одному незадачливому писаке. Сюжет валялся под ногами, самое трудное было раскрыть бумагомарателю глаза так, чтобы он не заметил.

Я соединил двух человек, которые были созданы друг для друга. Иногда достаточно пустяка, а влюбленным часто не хватает воображения. По последним слухам, их первенец должен родиться в июне. Справедливости ради они должны назвать его в мою честь.

Я вернул стадо потерявшихся овец, но и поставил подножку маленькому бездельнику. Иногда я ужасен, иногда милостив. И все это чудовищно утомительно.

Чаще всего я одинок.

Но я знаю, что однажды я вернусь к своим. И в тот день они примут меня.

И если Бог действительно существует и его царствие открыто только нищим духом, я надеюсь, что там все же найдется местечко и для меня.
